11539

11539

Психо-Неврологическій Институтъ.

Дмитрій Андреевичъ ДРИЛЬ,

КАКЪ УЧЕНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

М. М. Ковалевскій, С. К. Гогель,
М. П. Беклешовъ, П. И. Люблинскій,
А. Л. Щегловъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

Психо-Неврологическій Институтъ.

11
539

Дмитрій Андреевичъ ДРИЛЬ,

КАКЪ УЧЕНЫЙ и ОБЩЕСТВЕННЫЙ ДѢЯТЕЛЬ.

М. М. Ковалевскій, С. К. Гогель,
М. П. Беклешовъ, П. И. Люблинскій,
А. Л. Щегловъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1911.

И

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1342713

Типографія П. П. Сойкина. Стремянная, № 12.

Дмитрій Андреевичъ Дриль.

Рѣчь проф. *М. М. Ковалевскаго* на торжественномъ засѣданіи криминологической секціи Психо - Неврологическаго Института, посвященномъ памяти Д. А. Дриля.—20 ноября 1910 года.

Въ исторіи нашей культуры Московскому университету въ разное время пришлось играть, какъ всѣмъ извѣстно, весьма выдающуюся роль. Дѣятельность его профессоровъ оставила замѣтные слѣды и въ созданіи доктрины оффиціальнаго народничества, проводимой Шевыревымъ, съ его тремя устоями—православіемъ, самодержавіемъ и народностью, и въ либеральномъ западничествѣ, съ Грановскимъ и Кудрявцевымъ во главѣ, и въ славянофильствѣ, душою котораго одно время былъ Константинъ Аксаковъ.

Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка всѣ эти теченія общественной мысли далеко не являлись уже господствующими. Для нихъ насталъ не только періодъ критики, но и эпоха увяданія и забвенія. Европейская мысль предлагала новыя рѣшенія; вернувшіеся изъ двухлѣтнихъ, а то и многолѣтнихъ оффиціальныхъ командировокъ или добровольныхъ странствованій на Западѣ молодые профессора и преподаватели приступали къ чтеніямъ съ совершенно новыми заданіями, посѣянными въ нихъ близкимъ знакомствомъ съ европейской наукой и жизнью. Одни, какъ Тимирязевъ и В. О. Ковалевскій, мужъ знаменитой Софьи Ковалевской—профессора математики въ Стокгольмѣ, озабочены были проповѣдью дарвинизма. Ковалевскому русская литература обязана первыми переводами Дарвина, а его брату, знаменитому одесскому ученому Александру Онуфріевичу—первыми удачными попытками подтвержденія доктрины Дарвина о трансформизмѣ. Что касается до Тимирязева, то въ области ботаники, менѣе затронутой изслѣдованіями Дарвина, чѣмъ міръ зоологическій, онъ стремился и продолжаетъ стремиться къ обоснованію того взгляда, что жизнь растеній подчиняется тому же закону естественнаго подбора, какъ и жизнь животныхъ. О всемъ этомъ направленіи, широко орудовавшемъ сравнительнымъ методомъ, Тимирязевъ въ своихъ „Основныхъ чертахъ

исторіи развитія біологіи въ XIX-мъ вѣкѣ“ выражается слѣдующимъ образомъ: „рядомъ съ методомъ сравненія существующаго, которымъ пользовался Беръ въ первые годы XIX-го столѣтія въ своихъ изслѣдованіяхъ, все больше и больше сталъ выступать методъ сравненія образующагося, т. е. изслѣдованія организма въ послѣдовательныхъ стадіяхъ развитія отъ клѣточки; это—методъ эмбріологіи или, правильнѣе, исторіи развитія. Здѣсь слово „исторія“ въ первый разъ принималось не въ томъ неопредѣленномъ смыслѣ, какъ выраженіе „естественная исторія“, а въ строгомъ смыслѣ сопоставленія фактовъ во времени, не въ пространствѣ. Эмбріологія особенно развилась въ области зоологіи, и на долю русскихъ зоологовъ выпала едва ли не самая выдающаяся роль (Беръ и Пондеръ въ началѣ вѣка, А. О. Ковалевскій и И. И. Мечниковъ—во второй его половинѣ). Изученіе исторіи развитія было наиболѣе плодотворно на первыхъ порахъ въ примѣненіи къ животнымъ организмамъ; по отношенію къ нимъ удалось установить широко распространенныя общія черты развитія и показать, что черты сходства, не обнаруживающіяся на вполнѣ развитыхъ организмахъ, ясно выступаютъ при сравненіи болѣе или менѣе раннихъ стадій развитія, и что эти раннія стадіи у болѣе сложныхъ организмовъ представляютъ глубокое сходство съ развитымъ состояніемъ болѣе простыхъ. Ботаника на первыхъ порахъ будто отстала отъ зоологіи въ этомъ направленіи; зато позднѣе ей удалось представить едва ли не самый широкій и обстоятельно разработанный примѣръ объединенія наиболѣе рѣзко между собою обособленныхъ группъ растительнаго царства на основаніи изученія ихъ исторіи развитія. Это открытіе сдѣлано было въ 1851-мъ году нѣмецкимъ ботаникомъ самоучкой Гофмейстеромъ: ему удалось перебросить мостъ изъ полуцарства такъ называемыхъ споровыхъ растеній въ полуцарство сѣменныхъ“.

Въ то время, какъ сравнительный методъ торжествовалъ свою побѣду въ біологіи, благодаря примѣненію его къ исторіи развитія организмовъ, онъ дѣлалъ первые шаги въ направленіи къ созданію сравнительной исторіи нравовъ, правовыхъ порядковъ и учрежденій, благодаря сближенію этнологіи съ сравнительной исторіей права и широкому пользованію методомъ такъ называемыхъ переживтковъ. Въ этомъ направленіи шли одновременно и англійскіе, и нѣмецкіе ученые,—Макъ-Ленанъ и Мэнъ, Бахофенъ и Іерингъ. Почти одновременно начавшіе свою преподавательскую дѣятельность въ Московскомъ университетѣ молодые профессора-юристы—и въ числѣ ихъ покойный С. А. Муромцевъ—были учениками и

послѣдователями только-что названныхъ ученыхъ и въ своихъ курсахъ старались знакомить слушателей съ этими новыми теченіями въ области такъ называемыхъ гуманитарныхъ наукъ,—теченіями, сближавшими эти науки по методу съ науками, посвящающими себя изученію законовъ природы. С. А. Муромцевъ тѣмъ существенно отличался отъ другихъ своихъ товарищей по преподаванію и научной разработкѣ явленій права, что, подобно своему учителю Іерингу, искалъ фактовъ, образующихъ право въ отдѣльныя эпохи его развитія, не столько въ организаціи данной общественной среды, сколько въ психологическихъ свойствахъ личности въ изучаемую эпоху. Одинъ изъ его учениковъ, проф. Нечаевъ, недавно выразился о немъ слѣдующимъ образомъ: „Муромцевъ всегда и по преимуществу былъ склоненъ къ психологическому объясненію явленій; въ методологическихъ своихъ построеніяхъ онъ отводилъ психологіи первенствующее мѣсто; онъ вѣрилъ въ мощь человѣческой личности, человѣческаго разума и человѣческой совѣсти, считалъ ихъ всесильными двигателями въ развитіи права; онъ не подчеркивалъ вліянія классовой борьбы, по примѣру своего учителя Іеринга, и объяснялъ развитіе права упорнымъ психическимъ трудомъ“. Но рядомъ съ Муромцевымъ другіе молодые профессора-экономисты, ученики не только Вагнера, но и Лоренца Штейна и Шмоллера, испытавшіе на себѣ также вліяніе доктринъ автора „Капитала“, Карла Маркса,—болѣе оттѣняли вліяніе, какое на развитіе народнаго хозяйства имѣетъ не одинъ ростъ техники, но и борьба противорѣчивыхъ экономическихъ интересовъ. Они указывали, какъ подъ вліяніемъ этой борьбы складывалась хозяйственная дѣятельность въ разныя эпохи такъ называемаго натуральнаго или самодовлѣющаго, денежнаго и кредитнаго хозяйствъ. Съ этой точки зрѣнія вся современная политическая экономія представлялась имъ не болѣе, какъ теоретизаціей основъ капиталистическаго строя, и они не видѣли причинъ, по которымъ этотъ строй долженъ былъ считаться окончательнымъ и не подлежащимъ дальнѣйшимъ измѣненіямъ; они не считали, поэтому, возможнымъ примириться съ тою мыслью, чтобы политическая экономія, занимающаяся теоретизаціей основъ хозяйственнаго строя, могла считаться сказавшей свое послѣднее слово. Во главѣ этихъ людей стоялъ блестящій преподаватель, съ хорошей логической и философской подготовкой—А. И. Чупровъ. Не на одномъ юридическомъ факультетѣ сказывалось вліяніе сравнительно историческаго метода и теоріи эволюціонистовъ. Въ средѣ филологовъ и историковъ попадались люди, интересовавшіеся

сравнительной исторіей религій и фольклоромъ, а также развитіемъ общественныхъ и политическихъ учрежденій у того или другого народа, но не иначе какъ въ историко-сравнительномъ освѣщеніи. Одинъ изъ нихъ, П. Г. Виноградовъ, продолжаетъ свои работы въ прежнемъ направленіи, хотя и перенесъ часть своей преподавательской дѣятельности въ Оксфордъ. Другой—Н. И. Карѣевъ—стоитъ во главѣ зарождающагося историко-филологическаго факультета при психоневрологическомъ институтѣ. Сравнительно-историческое изученіе народныхъ вѣрованій и суевѣрій, въ связи съ изученіемъ міровыхъ религій, находило въ молодомъ профессорѣ-филологѣ Миллерѣ не только талантливаго выразителя, но и самостоятельнаго изслѣдователя, которому мы обязаны и научной постановкой у насъ Кавказовѣдѣнія, и тѣмъ направленіемъ въ истолкованіи нашего былиннаго эпоса, которое извѣстно подъ названіемъ теоріи странствующихъ сказаній и нашло себѣ самаго блестящаго представителя въ лицѣ А. Н. Веселовскаго—покойнаго профессора Петербургскаго университета.

Изъ всѣхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся проявленіями общественности, одно только уголовное право коснѣло въ прежней рабской зависимости отъ метафизики. Мы заучивали тридцать-сорокъ расходящихся между собою теорій наказанія, на которыхъ въ свою очередь отражались ученія нѣмецкихъ метафизиковъ, столько же категорическіе императивы Канта, сколько и діалектическій методъ Гегеля; мы заучивали, что наказаніе необходимо, такъ какъ является синтезомъ по отношенію къ тѣмъ двумъ—тезѣ и антитезѣ, какія представляютъ право и его отрицаніе въ преступленіи; наказаніе, учили насъ, необходимо, какъ отрицаніе отрицанія, т.-е. возстановленіе права. Необыкновенная отвлеченность и абсолютность положеній, высказываемыхъ русскими криминалистами отъ Баршева и Палюмбецкаго до Спасовича включительно, ихъ отрѣшенность отъ жизни и добровольное игнорированіе психическихъ особенностей преступника, столько же созданныхъ наслѣдственностью, сколько общественной средою,—имѣли то неизбѣжное послѣдствіе, что каждый изъ насъ смотрѣлъ на уголовное право, какъ на нѣчто вполнѣ ему чуждое, врѣзавшееся клиномъ въ обновленную эволюціонизмомъ область обществовѣдѣнія, съ его разнообразными развѣтвленіями историческихъ, психологическихъ, нравственныхъ и юридическихъ дисциплинъ. Этимъ, можетъ быть, объясняется и то странное обстоятельство, что съ упованіемъ и надеждою смотрѣли въ это время на ту вѣтвь криминологіи, которая извѣстна подъ наименованіемъ тюрь-

мовѣдѣнія и которая задается не только мыслью объ изоляціи преступника, но и о его перевоспитаніи, а послѣднее немыслимо безъ изученія его психической природы и факторовъ преступности. То, что было сколько-нибудь живого въ средѣ университетскихъ ревнителей криминалистики, готовилось поэтому посвятить себя тюрьмовѣдѣнію. Въ числѣ этихъ молодыхъ ученыхъ самымъ живымъ, увлекающимся и увлекающимъ своимъ примѣромъ другихъ явился Димитрій Андреевичъ Дриль. Я познакомился съ нимъ въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ, гдѣ мнѣ не разъ приходилось присутствовать при чтеніи его докладовъ, и гдѣ онъ также нерѣдко выступалъ въ преніяхъ, посвященныхъ вопросамъ уголовнаго права. Нѣкоторыя изъ статей Дриля появлялись затѣмъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и знакомили русскую публику съ мало еще извѣстной у насъ въ то время уголовной антропологіей и ея ближайшимъ творцомъ, Ломброзо. Къ чести Дриля надо сказать, что, являясь горячимъ послѣдователемъ ученій туринскаго профессора и автора книги: „Преступный человѣкъ“, онъ въ то же время умѣлъ отнестись съ критикой къ его несомнѣннымъ увлеченіямъ. Ломброзо, какъ извѣстно, долгое время придавалъ рѣшающее значеніе при объясненіи преступности факту наслѣдственности и приходилъ отсюда къ тому заключенію, что преступныя наклонности, какъ унаслѣдованныя, не могутъ быть искоренены, и что имѣются преступные типы, отъ которыхъ общество можетъ быть избавлено только однимъ путемъ—истребленіемъ, препятствующимъ дальнѣйшему дѣйствію закона наслѣдственности. Дриль съ самаго начала выступилъ рѣшительнымъ противникомъ тѣхъ, кто въ недостаточной степени оттѣняетъ вліяніе общественной среды. Въ его статьѣ, появившейся въ маѣ 1880-го года въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“ и озаглавленной „Новыя вѣянія“, съ подтитуломъ: „Къ вопросу о наказаніяхъ“, авторъ платитъ дань теоріи наслѣдственной преступности, говоря о необходимости отнять у вырождающихся личностей возможность продолжать себя въ потомствѣ и тѣмъ вносить порчу и заразу въ общество; но онъ въ то же время особенно настаиваетъ на томъ, что „преступное дѣйствіе человѣка, какъ и всякое его дѣйствіе вообще, есть всегда результатъ взаимодѣйствія двухъ факторовъ: воздѣйствій, исходящихъ изъ внѣшней среды, съ одной стороны, и физической и психической структуры подвергающагося этимъ воздѣйствіямъ, съ другой. Мы, къ сожалѣнію, ничего не сдѣлали или сдѣлали весьма мало для борьбы съ тѣмъ факторомъ преступности, который обнимается понятіемъ общественной среды. Увеличивающееся скопле-

ніе богатства въ рукахъ немногихъ, усиливающееся развитіе крупной промышленности, обоснованной на способахъ капиталистическаго производства, соотвѣтствующее этому увеличенію пролетаріата и умноженіе всякихъ норъ и берлогъ, въ которыхъ обитаетъ одичалое, загнанное и вырождающееся отребье человѣческаго рода,—вотъ нѣкоторыя изъ сторонъ общественной среды, которыя вліяютъ на развитіе преступности". Я нарочно привожу отрывки изъ раннихъ работъ Дриля, такъ какъ вся дальнѣйшая его научно-литературная дѣятельность сведется къ раскрытію тѣхъ общихъ формулъ, выраженіе которыхъ можно найти въ приведенныхъ мною словахъ. Заглянемъ еще въ нѣкоторыя изъ первыхъ статей Дриля, напечатанныхъ въ томъ же органѣ Юридическаго Общества. Въ теченіе 1883—1884 годовъ „Юридическій Вѣстникъ" далъ рядъ его этюдовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Очеркъ развитія ученія новой позитивной школы уголовнаго права"; они вошли затѣмъ въ 1-й выпускъ извѣстной книги „Малолѣтніе преступники". Нельзя сказать, чтобы статьи Дриля были первыми по времени работами, познакомившими русское общество съ трудами итальянской положительной школы уголовнаго права и въ частности Ломброзо. Въ томъ же „Юридическомъ Вѣстникѣ" появились статьи Минцлова: „Особенности класса преступниковъ"; въ основу ихъ легла знаменитая книга итальянскаго криминолога, но авторъ не дѣлалъ попытки критическаго отношенія къ новой школѣ. Далеко не такъ отнесся къ ней Дриль. Вотъ нѣсколько отрывковъ, по которымъ легко будетъ судить и о впечатлѣніи, какое его статьи должны были произвести въ нашей средѣ—средѣ сторонниковъ положительнаго направленія въ обществовѣдѣніи, и о томъ, какъ самостоятельно относился къ уголовной антропологіи молодой русскій криминалистъ. Говоря о томъ, что новое направленіе выразилось въ созданіи цѣлой школы только въ Италіи, Дриль словами итальянскихъ послѣдователей Ломброзо слѣдующимъ образомъ характеризовалъ новую школу: „она признаетъ, что существующее ученіе о преступленіи и наказаніи не имѣетъ основаній въ опытѣ, а построено на выводахъ изъ недоказанныхъ принциповъ, доставляемыхъ абстрактными теоріями, часто противорѣчивыми и невѣрными. На мѣсто вывода изъ данныхъ самонаблюденія послѣдователи новой школы считаютъ нужнымъ поставить наблюденіе реальныхъ фактовъ, замѣняя преступника воображаемаго преступникомъ дѣйствительнымъ и подвергая его тщательному и всестороннему изслѣдованію, какъ любой объектъ научнаго изученія". Относясь съ полнымъ сочувствіемъ къ этой перемѣнѣ метода,

Дриль одобрялъ и общественную тенденцію новой школы, говоря: „если въ предшествующій періодъ своего развитія наука уголовнаго права главнымъ образомъ имѣла въ виду борьбу съ средневѣковой жестокостью наказаній, то въ настоящее время она, по мнѣнію ученыхъ новой итальянской школы, задается не менѣе гуманной цѣлью—цѣлью борьбы съ преступленіемъ и изысканія средствъ возможнаго уменьшенія числа ихъ". Но Дриль не принималъ цѣликомъ всѣхъ положеній новой школы: „къ сожалѣнію,—прибавлялъ онъ,—идея борьбы и теорія удаленія изъ общества, въ видахъ искусственнаго подбора, его отбросовъ, по моему мнѣнію слишкомъ увлекаетъ итальянскихъ представителей позитивной школы, начиная отъ самого Ломброзо. Она мѣшаетъ имъ достойнымъ образомъ оцѣнить нѣкоторыя другія не менѣе важныя стороны вопроса". Особенно у Гарофало и отчасти также у Ферри того времени Дриль отмѣчалъ такое увлеченіе идеей борьбы. Оно заставляло перваго не оцѣнивать должнымъ образомъ ни тѣхъ гарантій личной свободы, какія заключаетъ въ себѣ Habeas Corpus, ни тѣхъ гарантій правосудія, какія связаны съ судомъ присяжныхъ. И то, и другое казалось ему удаляющимъ отъ истинной цѣли—борьбы съ преступленіемъ. Той же господствующей идеей объясняется, по мнѣнію Дриля, готовность Гарофало поражать нѣкоторыя категоріи преступниковъ со всею строгостью наказаніями на вѣчныя времена и тѣмъ самымъ совершать искусственный подборъ общества, удаляя навсегда порочныхъ и неисправимыхъ его членовъ. Что же касается до Энрико Ферри, бывшаго въ то время профессоромъ въ Болоньѣ, то онъ въ своихъ „Новыхъ горизонтахъ уголовнаго права и процесса" не отступать отъ мысли о благодѣтельномъ вліяніи искусственнаго подбора, совершающагося при посредствѣ смертной казни. Соглашаясь съ тѣмъ, что наказаніе должно имѣть въ виду, какъ на этомъ настаиваетъ итальянская школа уголовнаго права, главнымъ образомъ огражденіе общества и выводя отсюда то послѣдствіе, что наказаніе должно быть опредѣляемо сообразно не одной только значительности преступленія, но и тому, въ какой степени преступникъ представляетъ собою опасность для общества, Дриль расходился съ учителями новой школы въ распредѣленіи преступниковъ по степени этой опасности для общества на категоріи сумасшедшихъ, прирожденныхъ и неисправимыхъ и, наконецъ, случайныхъ. „Въ сферѣ преступленія,—писалъ онъ,—какъ и вездѣ въ природѣ, нѣтъ ничего обособленнаго и строго ограниченнаго: явленія и здѣсь представляютъ постепенные и неуловимые переходы". Онъ прибавилъ къ

этому, что термины „прирожденный“ и „неисправимый“ выбраны крайне неудачно: они ставятъ предубѣждающіе ярлыки, при чемъ первый высказываетъ несправедливую мысль, что нѣкоторые уже рождаются роковыми преступниками. „Опытъ, конечно, не позволяетъ сомнѣваться,—писалъ Дриль,—что человѣкъ можетъ унаслѣдовать отъ своихъ восходящихъ такія особенности психо-физической организаціи, которыя предрасполагаютъ его къ преступленіямъ; но сдѣлаются ли они таковыми, это будетъ зависѣть отъ окружающей обстановки, отъ всѣхъ жизненныхъ условій вообще и отъ характера воспитанія въ частности“. Дриль высказываетъ далѣе соболѣзнованіе, что, слишкомъ увлекаясь идеей борьбы и черезчуръ полагаясь на прочность разъ установленныхъ ею категорій преступниковъ, итальянская школа для преступниковъ прирожденныхъ и рецидивистовъ настаиваетъ на пожизненныхъ наказаніяхъ и не отступаетъ даже отъ мысли примѣненія къ нимъ смертной казни (въ особенности Гарофало). Дриль жалѣетъ, что по отношенію къ третьей категоріи—случайныхъ преступниковъ—итальянская школа при опредѣленіи наказанія недостаточно становится на точку зрѣнія теоріи исправленія.

Я не пойду дальше въ разборѣ мыслей Дриля, выраженныхъ еще въ статьяхъ, напечатанныхъ имъ въ „Юридическомъ Вѣстникѣ“. Онѣ нашли развитіе въ послѣдующихъ его сочиненіяхъ и въ особенности въ „Малолѣтнихъ преступникахъ“. Мнѣ важно было показать, что Дриль никогда не закрывалъ глазъ на неизбѣжныя несовершенства, связанныя съ попыткою пойти новою дорогою и сказать новое слово въ такихъ сложныхъ вопросахъ, какимъ является вопросъ о преступности и о борьбѣ съ нею. Изъ упомянутаго выше можно притти, наоборотъ, къ заключенію, что имъ отмѣчены были весьма рано тѣ слабыя мѣста въ новой школѣ, которыя позднѣе указываемы были Тардомъ и многими новѣйшими критиками. Не чрезмѣрнымъ увлеченіемъ доктриной Ломброзо, а предвзятымъ воззрѣніемъ, что новая доктрина подкашиваетъ якобы въ корнѣ самую идею наказанія, надо объяснить, почему въ московскомъ юридическомъ факультетѣ, въ лицѣ его декана, который былъ медиковъ по профессіи, нашелся человѣкъ, признавшій совершенно недопустимой публичную защиту взглядовъ Дриля на диспутѣ. Профессоръ Легонинъ—преподававшій судебную медицину,—отрицалъ за нами даже способность съ знаніемъ дѣла отнестись къ работѣ Дриля, увѣряя насъ, что оцѣнить ее должнымъ образомъ можетъ только естествоиспытатель и медикъ. Но Дриль былъ именно въ нашей средѣ тѣмъ рѣдкимъ юристомъ,

который предпослалъ спеціализаціи по правовѣдѣнію нѣсколько лѣтъ занятій біологіей и въ частности анатоміей, физіологіей и патологіей человѣка. Ища провѣрки моихъ собственныхъ взглядовъ на качество представленной намъ диссертаціи, я обратился къ извѣстному въ то время спеціалисту, врачу-профессору Лашкевичу въ Харьковѣ, съ которымъ связывали меня давнишнія пріятельскія отношенія. Прочитавъ книгу Дриля, онъ сказалъ мнѣ, что авторъ несомнѣнно имѣетъ нужную подготовку по физіологіи вообще и физіологіи нервной системы въ частности; ему не достаетъ только знакомства съ клиническимъ методомъ, что и вполнѣ понятно для человѣка, не завершившаго своего медицинскаго образованія практической работой въ госпиталяхъ. Заявленіе профессора Лашкевича побудило моего бывшаго учителя, Леонида Евстафьевича Владимірова, въ то время профессора уголовнаго права въ Харьковѣ, заявить о своей готовности принять работу Дриля въ качествѣ магистерской диссертаціи. Я имѣлъ счастье передать автору эту добрую вѣсть. Въ диспутѣ, рядомъ съ криминалистами по профессіи, выступилъ и докторъ медицины проф. Лашкевичъ. Диспутанту дана была полная возможность обнаружить разнообразіе и основательность своихъ свѣдѣній и въ біологіи, и въ уголовной антропологіи. Извѣстность Дриля, какъ русскаго представителя уголовной антропологіи, не замедлила съ этого времени упрочиться въ широкихъ кругахъ. Къ сожалѣнію, одновременно проникло въ правящія сферы убѣжденію, что новая доктрина не можетъ быть терпима въ преподаваніи, такъ какъ сводится къ отрицанію карательной власти государства. Всѣ попытки Дриля устроиться при университетѣ на правахъ преподавателя встрѣтили рѣшительный отпоръ; почтенному ученому пришлось довольствоваться сравнительно скромнымъ положеніемъ сначала податного инспектора, а затѣмъ чиновника въ распоряженіи министра юстиціи и, наконецъ, юрисконсульта при томъ же министерствѣ. Несправедливость, обнаруженная по отношенію къ Дрилю и опиравшаяся на самомъ явномъ недоразумѣніи, казалась особенно возмутительной тѣмъ, кто зналъ его близко. Дриль принадлежалъ къ небольшому числу людей, которые ждали и ждутъ всего не отъ политическихъ реформъ, не отъ установленія въ нашей странѣ конституціонныхъ порядковъ, а отъ перевоспитанія общества. Онъ одно время даже не оцѣнивалъ достаточно преимуществъ представительной системы, которая рисовалась его воображенію какъ дающая полный просторъ владѣтельнымъ классамъ угнетать невладѣтельные. Онъ готовъ былъ, вслѣдъ за соціали-

стами и Нордау, говорить по поводу ея о системѣ прикрытаго обмана, о „Conventionelle Lügen“, объ обманѣ, какой необходимо предполагаетъ передача законодательной власти въ руки земельныхъ собственниковъ и предпринимателей, особенно при существованіи высокаго избирательнаго ценза. Бюрократія стала внушать ему заслуженныя опасенія только съ тѣхъ поръ, какъ онъ самъ попалъ въ ея среду. Его послѣдніе разговоры со мною свидѣтельствовали о тяжелыхъ впечатлѣніяхъ, какія онъ вынесъ изъ своихъ поѣздокъ съ цѣлью осмотра тюремъ, и изъ того отношенія, какое онъ встрѣтилъ къ предложеннымъ имъ мѣрамъ со стороны мѣстныхъ губернаторовъ... Добрую волю онъ приносилъ въ избыткѣ при выполненіи возложенныхъ на него порученій. Онъ не боялся съ этою цѣлью предпринимать и дальнихъ странствованій по сушѣ и морямъ, въ Сахалинъ и австралійскія колоніи, съ цѣлью изученія дѣйствительныхъ условій каторги. Рѣдкій съѣздъ криминалистовъ и тюрьмовѣдовъ, гдѣ бы онъ ни собирался, обходился безъ присутствія Дриля, его доклада и участія въ преніяхъ. Онъ находилъ также пищу для своего ума и сердца въ устройствѣ дешевыхъ жилищъ для рабочихъ, въ борьбѣ съ алкоголизмомъ, въ устройствѣ народнаго университета и народнаго политехникума. И несмотря на всѣ эти разнообразныя занятія, его постоянно влекло къ преподаванію дорогой ему уголовной антропологіи и соціологіи въ высшемъ учебномъ заведеніи. Къ чести директора политехническаго института и профессоровъ его экономическаго отдѣленія, съ А. С. Посниковымъ во главѣ, надо отнести то, что съ момента, когда высшая школа получила у насъ автономію, они привлекли Дриля въ свою среду и поручили ему преподавать дорогую ему науку. Я встрѣтился съ Дрилемъ уже какъ съ товарищемъ на собраніяхъ профессоровъ политехникума и знаю отъ его слушателей, какъ занимательны и поучительны были его чтенія. Курсъ его, къ счастью, былъ отлитографированъ и можетъ служить дополненіемъ къ недочитаннымъ имъ лекціямъ въ психо-неврологическомъ институтѣ. Мнѣ пришлось недавно писать о Дрилѣ въ періодической печати. Я сказалъ о немъ, что это былъ человѣкъ высокой нравственной чистоты, у котораго слово шло всегда заодно съ дѣломъ, и который всецѣло готовъ былъ отдать себя дѣятельному и разумному служенію человѣческой нуждѣ. Покинувшій насъ товарищъ не нуждается въ похвальномъ словѣ: мы только воздаемъ ему должное, сказавъ, что онъ былъ человѣкомъ въ высшемъ значеніи этого слова.

М. Ковалевскій.

Дмитрій Андреевичъ Дриль, какъ человѣкъ, ученый и общественный дѣятель.

Рѣчь проф. *С. К. Гогеля* на торжественномъ засѣданіи криминологической секціи Психо-Неврологическаго Института, посвященномъ памяти Д. А. Дриля.—20 ноября 1910 года.

Память Д. А. Дриля можно чествовать не только какъ большого, но и какъ хорошаго человѣка. То, что Дмитрій Андреевичъ былъ хорошій человѣкъ, извѣстно всѣмъ, не только близко знавшимъ его, но хотя бы случайно соприкасавшимся съ нимъ на многочисленныхъ путяхъ его разнородной дѣятельности. Изъ отношеній съ нимъ, даже чисто случайныхъ, всѣ уносили впечатлѣніе глубоко-симпатичной личности, спокойной, ласковой, незлобивой, готовой помочь всякому, обращающемуся къ нему за помощью или совѣтомъ. Такія личности, конечно, рѣдкость въ наше время столь мало сдерживаемой борьбы за существованіе, когда эта борьба становится все откровеннѣе, все развязнѣе, сказать ли правду, все циничнѣе. Но все же такія личности хорошія встрѣчаются, и случайный знакомецъ Д. А. могъ, пожалуй, объяснить себѣ свое впечатлѣніе тѣмъ, что передъ нимъ далекій отъ борьбы человѣкъ, съ удачно сложившеюся жизнью. Но, вѣдь, для близко знавшихъ Д. А. такого объясненія быть не могло; имъ то хорошо было извѣстно, что жизнь не баловала Д. А. Наоборотъ, она посылала ему всяческія гоненія, всякіе удары и все за одинъ и тотъ же большой, непростительный, грѣхъ—онъ позволялъ себѣ, съ русской точки зрѣнія, самую большую роскошь:—смѣть свое сужденіе имѣть. Грѣхъ непростительный тамъ, гдѣ ядъ бюрократическаго обезличенія проникъ мало-по-малу далеко за предѣлы сферы собственно самой бюрократіи. Онъ всюду съ своимъ мнѣніемъ не подходилъ подъ установившіеся шаблоны и, казалось, непрестанно былъ оставляемъ въ „подозрѣніи“, какъ это дѣлали такъ часто наши дореформенные суды. Онъ, конечно, не подхо-

дилъ къ служебному строю, въ которомъ, однако, по иронiи судьбы, ему приходилось оставаться всю свою жизнь, и строй этотъ, конечно, его не взыскалъ. Но даже наука, которой онъ отдавалъ такъ много силъ, для которой онъ былъ созданъ уже потому одному, что такъ беззавѣтно былъ преданъ истинѣ, и та, въ лицѣ своихъ русскихъ представителей, по крайней мѣрѣ, долгое время не могла помириться съ слишкомъ большою, по ея мнѣнiю, оригинальностью его взглядовъ. Въ началѣ дѣятельности Д. А. въ его взглядахъ видѣли даже что-то опасное, во всякомъ случаѣ ни въ одномъ изъ русскихъ университетовъ ему такъ и не пришлось читать лекцiй. Много было препятствiй и на пути его общественной дѣятельности. И вотъ, зная все это, хорошо знакомые съ Д. А., а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно и любившiе и уважавшiе его, не могли не дивиться, что онъ успѣлъ до послѣднихъ дней своихъ сохранить то же ровное, сердечное, отношенiе къ людямъ, съ которымъ онъ вступалъ въ жизнь. Трудно, дѣйствительно, найти было болѣе уравновѣшенной личности, болѣе, говоря языкомъ самого Д. А., нормальной личности, въ которой бы такъ неограниченно властвовали общiя идеи не только надъ страстями, ихъ у Д. А. не было, но надъ личными интересами. Мало того, что онъ сохранилъ, несмотря на жизненныя невзгоды, душевное равновѣсiе и дружеское расположенiе къ людямъ; нѣтъ, какъ, дѣйствительно, личность высшаго порядка, онъ считалъ своею прямою обязанностью, какъ здороваго члена общества — этого при всей своей скромности онъ не могъ не сознавать—посвятить на служенiе обществу, можетъ быть даже всему человѣчеству, всю свою жизнь, и служенiе это окончилось только вмѣстѣ съ жизнью. Красивый, благородный представитель человѣческаго рода. И если, дѣйствительно, какъ говорилъ Габрiель Тардъ, вся наша цивилизацiя распространилась путемъ подражанiя, то пусть же тотъ образецъ любви къ человѣчеству, служенiя ему, несмотря на всѣ неизбѣжныя въ жизни неудачи и даже неблагодарность, найдетъ себѣ подражанiе среди русской молодежи, и пусть представители ея во имя высокаго образца, оставленнаго Д. А., сочтутъ себя обязанными подражать этому примѣру въ стойкости, въ упорномъ и сознательномъ сохраненiи душевнаго равновѣсiя въ служенiи своимъ братьямъ.

Высокiя душевныя личныя качества Д. А. сыграли важную роль во всей его дѣятельности, скажемъ болѣе, они опредѣлили основныя задачи этой дѣятельности. Какъ совершенная личность, онъ естественно не могъ не желать, чтобы и все общество состояло

изъ такихъ то совершенныхъ личностей, какъ и онъ. А такъ какъ реальная жизнь представляла ему совершенно противное тому, чего онъ желалъ, такъ какъ наоборотъ большинство представителей того человѣчества, которое онъ такъ любилъ, было лишено тѣхъ, именно, душевныхъ качествъ, которыми такъ богато былъ одаренъ онъ самъ, то онъ не могъ не проникнуться глубокимъ чувствомъ безграничнаго сожалѣнія и состраданія къ этимъ обездоленнымъ, неуравновѣшеннымъ, оскудѣлымъ, какъ онъ говоритъ, физически, умствено, нравственно и матеріально, и въ служеніи имъ въ стараніяхъ облегчить участь ихъ, обезпечить имъ хоть на будущее время необходимыя условія правильнаго развитія и прошла вся его жизнь. На это служеніе были потрачены всѣ многообразныя познанія, вся его изумительная энергія, которую не ослабляли ни возрастъ, ни болѣзни, ни неудачи. И если задача біографа его облегчена въ томъ смыслѣ, что ему не приходится, сосредоточивая усиленный свѣтъ на дѣлахъ его, оставлять въ тѣни его личность, какъ это, къ сожалѣнію, бываетъ не такъ ужъ рѣдко при составленіи біографій, то съ другой стороны дѣла, которыя онъ успѣлъ сдѣлать за свою жизнь, такъ велики и разнообразны, что дать въ сжатомъ видѣ обозрѣніе ихъ очень трудно [1]). Не даромъ, по словамъ близкихъ, дорогой Дмитрій Андревичъ на увѣщанія хоть немного отдохнуть всегда отвѣчалъ, что надо торопиться, а то уйдешь изъ жизни, ничего не сдѣлавъ. Надо помнить при этомъ, что это дѣло было общественное, т. е. большею частью даровое; его, этого дарового дѣла, очень много, а работниковъ на этомъ дѣлѣ очень мало. Для такихъ работниковъ, какъ Дмитрій Андреевичъ, за ихъ разнообразные труды на пользу человѣчества, есть только одна награда, и эту награду такъ опредѣлилъ нашъ поэтъ Некрасовъ:

Кто служа великимъ цѣлямъ вѣка,
Жизнь свою всецѣло отдаетъ
На борьбу за брата человѣка,
Только тотъ себя переживетъ...

(Зинѣ, II Полное Собр., стр. 384).

Трудовая жизнь Д. А. началась съ научныхъ занятій. Онъ въ 1873 году кончилъ юридическій факультетъ Московскаго уни-

---

[1]) Я долженъ сказать откровенно, что зная близко и давно Д. А., зная его труды, не могъ себѣ представить какъ велики будутъ итоги всей трудовой жизни, выраженные иногда очень кратко въ печатномъ матеріалѣ, предоставленномъ въ мое распоряженіе семьею покойнаго.

верситета и сталъ посѣщать медицинскій факультетъ того же университета. Когда затѣмъ онъ былъ оставленъ при университетѣ для подготовленія къ профессурѣ и командированъ заграницу, то и тамъ онъ продолжалъ заниматься медициной. Въ то же время въ годы 1881—1883 онъ посѣтилъ всѣ сколько-нибудь извѣстныя тюрьмы Западной Европы. Уже эти стороны подготовленія къ будущей дѣятельности могли бы опредѣлить дальнѣйшее направленіе и самихъ научныхъ работъ. Не юристъ-догматикъ подготовлялся въ этихъ условіяхъ, а соціологъ, а то состраданіе къ „оскудѣлымъ“, которое составило на всю жизнь основной мотивъ, „эпиграфъ“, его дѣятельности, привлекло его вниманіе къ той части соціологіи, которая теперь называется соціальной патологіей.

Не надо забывать время, въ которое выступалъ впервые съ научными работами Д. А., въ которое складывались его научные взгляды. Это было начало дѣятельности новой школы уголовно-антропологической. Сочиненіе Ломброзо L'uomo deliuquente вышло въ свѣтъ частями въ журналѣ въ годы 1871—1876; антропологическій конгрессъ въ Римѣ былъ временемъ наибольшаго торжества этой школы, провозгласившей міру свои открытія: не одну идею прирожденнаго преступника, но идею, въ живучести которой сомнѣваться нельзя, идею о необходимости изучать не юридическую абстракцію, въ лицѣ субъекта, автора, преступнаго дѣянія, выкроенную личность, какъ мѣтко назвалъ это Харьковскій профессоръ А. Д. Киселевъ, а живую личность съ мясомъ, костями, нервами, мозгомъ, біологическую особь, живущую въ надъ органическомъ единеніи. Д. А., конечно, прекрасно зналъ предшественниковъ этой школы и одного изъ нихъ Мореля въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ онъ называетъ не только извѣстнымъ, но и геніальнымъ ученымъ. Здѣсь необходимо возможно точно выяснить отношеніе Д. А. къ уголовно-антропологической школѣ.

Въ сочиненіи „Преступность и преступники“, вышедшемъ въ свѣтъ въ 1895 г., онъ прямо говоритъ (стр. 283): „Уголовно-антропологическая школа, къ представителямъ которой я имѣю честь принадлежать уже очень давно“ и затѣмъ дѣлаетъ ссылку на статью, относящуюся къ 1879 г., и на предисловіе ко второму выпуску сочиненія „Малолѣтніе преступники“, въ которомъ онъ говоритъ, что особенно его всегда интересовала субъективная сторона преступленія. „Но на первыхъ же порахъ моего знакомства съ психіатрической литературой я невольно былъ пораженъ крайней трудностью, скажу болѣе, невозможностью установле-

нія сколько-нибудь твердой и ясной границы между явленіями такъ называемой человѣческой порочности и развращенности и явленіями тѣхъ тонкихъ душевныхъ разстройствъ, которыя, какъ обыкновенно говорятъ, стоятъ на границѣ душевнаго здоровья и болѣзни и обыкновенно болѣе относятся къ этой послѣдней („Малолѣтніе преступники“, вып. II, стр. 1)“. Но въ томъ же сочиненіи „Преступность и преступники“ Д. А. отвергаетъ совершенно и доктрину о прирожденномъ преступникѣ и ученіе объ атавизмѣ, ставя ихъ исключительно на счетъ одного Ламброзо; актъ принадлежности своей къ антропологической школѣ онъ выразилъ въ своемъ докладѣ Парижскому конгрессу въ слѣдующихъ выраженіяхъ („Преступность и преступники“ ст. 95): „основные принципы уголовно-антропологической школы я формулировалъ въ слѣдующихъ семи положеніяхъ: 1) основаніемъ наказанія и его первенствующею цѣлью новое направленіе признаетъ не возмездіе, а необходимость огражденія общества отъ зла преступленія, 2) антропологическая школа стремится изучить при помощи всѣхъ точныхъ научныхъ методовъ разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, производящія ихъ причины, ихъ дѣятельность, ихъ преступленія и наиболѣе дѣйствительныя средства воздѣйствія на нихъ, 3) въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодѣйствія особенностей психофизической организаціи преступника и внѣшнихъ воздѣйствій, 4) антропологическая школа разсматриваетъ преступника, какъ въ большей или меньшей мѣрѣ несчастную, порочную, неуравновѣшенную и недостаточную организацію, которая вслѣдствіе того мало приспособлена къ борьбѣ за существованіе въ легальныхъ формахъ, 5) причины преступленія антропологическая школа дѣлитъ: а) на ближайшія—порочности психо-физической организаціи дѣятеля, б) болѣе отдаленныя неблагопріятныя внѣшнія условія, подъ вліяніемъ которыхъ постепенно вырабатываются первыя и в) предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ порочныя организаціи наталкиваются на преступленія. 6) Уголовно-антропологическая школа изучаетъ преступниковъ и совершенныя ими преступленія, какъ естественно общественныя явленія, во всей совокупности ихъ разнообразныхъ факторовъ, даже наиболѣе отдаленныхъ. Этимъ она сливаетъ вопросъ о преступности съ великимъ соціальнымъ вопросомъ нашего времени и настаиваетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для успѣшности борьбы съ преступленіемъ. 7) Исходя изъ этихъ положеній уголовно-антропологическая школа отрицаетъ разумность напередъ

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

опредѣленныхъ мѣръ репрессіи и ставитъ ихъ въ зависимость отъ изученія индивидуальныхъ особенностей каждаго дѣятеля преступленія".

Въ сущности таковы были воззрѣнія Д. А. съ самаго начала. Въ положеніяхъ его на диспутѣ говорилось: „Преступникъ, по возрѣнію новой позитивной школы уголовнаго права, представляетъ собою личность стоящую ниже типа нормальнаго общественнаго человѣка, типа, которому соотвѣтствуетъ минимальная степень приспособленности всей психо-физической структуры личности къ условіямъ жизни окружающаго ее общества, степень необходимая для самостоятельной и свободной жизни въ средѣ себѣ подобныхъ". А въ послѣднемъ положеніи мы находимъ такія слова: „Но какъ ни рѣшительно вліяніе наслѣдственности, тѣмъ не менѣе оно не представляется роковымъ. На ряду съ законами наслѣдственности дѣйствуетъ другой законъ—законъ измѣненій, законъ приспособляемости къ измѣненнымъ окружающимъ условіямъ, на которомъ и основывается воспитаніе и перевоспитаніе, являющееся основой возможности исправленія".

Въ первомъ выпускѣ диссертаціи „Малолѣтніе преступники" приведены слова Wines: „Обращайтесь съ виновниками зла, какъ съ себѣ подобнымъ (слова подчеркнуты въ оригиналѣ) и болѣе, нежели вѣроятно, что его воля отзовется на вашъ призывъ, обращайтесь съ нимъ, какъ съ собакой, и онъ будетъ дѣйствовать, какъ она". Вотъ, значитъ, размѣры зла, оно вполнѣ можетъ быть обезврежено и не непоправимо.

Въ лекціяхъ своихъ по уголовному праву въ Политехническомъ Институтѣ, останавливаясь на ученіи Ломброзо онъ говоритъ (стр. 30): „Надо сказать, что описаніе признаковъ наблюдались въ различныхъ количествахъ и комбинаціяхъ у различныхъ преступниковъ и объединены во всей своей суммѣ въ одно общее цѣлое и типъ только описаніемъ. Сверхъ того для выдѣленія особаго преступнаго типа надо было бы доказать, что приводимые признаки специфически присущи только преступникамъ и не встрѣчаются у непреступныхъ людей. Ничего подобнаго не доказано и не можетъ быть доказано, потому что все это признаки вырожденія, наблюдаемые тоже въ различныхъ количествахъ у различныхъ вырождающихся. Преступниковъ нельзя выдѣлять въ особый физически отграниченный классъ, это одинъ изъ потоковъ, берущихъ свое начало изъ области многообразныхъ явленій физическаго и умственно-нравственнаго вырожденія".

Въ тѣхъ же лекціяхъ Д. А. отрицаетъ атавизмъ. Многіе дикіе народы очень мирны, не прирожденная преступность, а дурная конструкція, несчастная и недостаточная.

Возражая противъ метода большихъ чиселъ и злоупотребленіемъ имъ, онъ предпочитаетъ наблюденіе. Поэтому въ области изученія явленій преступности, говоритъ онъ, (стр. 375) правильнѣе идти тѣмъ же путемъ, какимъ идетъ психіатрія въ изученіи душевныхъ болѣзней. Она прежде всего изучаетъ отдѣльные случаи, отдѣльныя исторіи болѣзней и употребляетъ методъ большихъ чиселъ, какъ подсобный.

„Предположимъ (стр. 384), что продолжительное неблагопріятное вліяніе различныхъ тяжелыхъ лишеній народило у человѣка уже знакомое намъ органическое оскудѣніе, цѣлый комплексъ нарушеній въ различныхъ органахъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ вызвало упадокъ энергіи и работоспособности, повышеніе раздражительности, по временамъ достигающей озлобленности, ослабленіе предусмотрительности, уменьшеніе способности сдерживаться и противостоять различнымъ искушеніямъ, и въ дополненіе къ сему вызвало и обычно тягостныя настроенія. Несомнѣнно, что предположенные неблагопріятные соціальные факторы, соединенные нами въ одномъ общемъ понятіи о тяжести изсушающей бѣдности, постепенно произвели въ данномъ случаѣ всѣ эти неблагопріятныя для самого индивида и его окружающихъ органическія, а на ряду съ тѣмъ и психическія измѣненія въ природѣ личности. Но эти измѣненія разъ образовались, какъ необходимыя слѣдствія вліянія указанныхъ неблагопріятныхъ соціальныхъ факторовъ, въ свою очередь не становятся ли ближайшими, непосредственными, производящими причинами совершенія преступленія данной личности, при существованіи еще и соотвѣтствующихъ наталкивающихъ поводовъ, и не отражаются ли особенности образовавшихся измѣненій въ особенностяхъ дѣятельности, въ самыхъ способахъ совершенія преступленій ихъ виновника“.

Но окончательно устраняетъ мысль, что Д. А. былъ детерминистомъ, ознакомленіе съ одной изъ его послѣднихъ работъ. „Этюды по педагогической психологіи“ (1907). Здѣсь мы встрѣчаемся съ такими мѣстами. Передавая случай описанный Моро де Туръ о томъ, какъ два мальчика подрались, а третій подалъ имъ ножъ, Д. А. приводитъ слова Моро (стр. 47): „возьмите мальчика, воспитаннаго въ другой средѣ, подумалъ ли бы онъ по поводу пустой лжи прибѣгнуть къ какому-нибудь оружію. И на этотъ вопросъ Моро отмѣчаетъ: „что касается до меня, то я этого

*

не думаю“. Итакъ, сначала на первое мѣсто ставится наслѣдственность, а во второмъ утвержденіи на это мѣсто выдвигается воспитаніе. Съ своей стороны думаю, что авторъ въ послѣднемъ случаѣ болѣе правъ“. Далѣе, на стр. 50 Д. А. говоритъ: „Лично мнѣ приходилось работать всегда преимущественно надъ индивидуальными явленіями: и во всѣхъ случаяхъ, когда имѣлись на лицо достаточныя свѣдѣнія о наслѣдственномъ и личномъ проявленіи дѣйствующихъ личностей, можно было находить въ условіяхъ вліянія внѣшней окружающей среды указаніе на вѣроятные факторы образованія наблюдавшихся сложныхъ психическихъ явленій“.

Приведенныя выдержки даютъ мнѣ право, казалось бы, сдѣлать выводъ, что детерминизмъ Д. А. былъ очень умѣренный, что въ сущности на оскудѣніе, вырожденіе и т. д., онъ смотрѣлъ не какъ на самостоятельные факторы, предопредѣляющіе человѣка къ преступленію, а какъ на проводники внѣшнихъ неблагопріятныхъ отдаленныхъ и предрасполагающихъ причинъ: бѣдности, дѣтской заброшенности, алкоголизма и друг. Можно сдѣлать и другое заключеніе, и въ этомъ отношеніи я каюсь въ собственномъ грѣхѣ, ибо и я ошибочно смотрѣлъ на взгляды Д. А.: оказывается не необходимо (это явствуетъ изъ выписки изъ его курса уголовнаго права), по мнѣнію Д. А. Дриля, чтобы неблагопріятныя внѣшнія условія прежде дали извѣстное психо-физически-порочное поколѣніе, которое бы совершало потомъ преступленія, внѣшніе факторы могутъ дѣйствовать и на родившихся здоровыми, наслѣдственность отходитъ на второе мѣсто. Въ такихъ предѣлахъ взгляды Д. А. сводятся къ положенію, что внѣшніе факторы дѣйствуютъ не автоматично; нужно же, какъ это говоритъ неоднократно Д. А., какое-либо объясненіе того факта, что когда наступаетъ, напримѣръ, время неурожая, и волна преступности въ области имущественныхъ преступленій подымается, то не всѣ и даже не всѣ бѣдные совершаютъ кражи, а только нѣкоторые, слѣдовательно имѣются какія-либо индивидуальныя особенности, которыя предрасполагаютъ извѣстныя личности изъ общей массы къ особенному чуткому отношенію къ этимъ внѣшнимъ вліяніямъ, назовемъ ли мы это оскудѣлостью, вырожденіемъ, неуравновѣшенностью и т. д. Конечно, пока, благодаря недостаточно правильной и не полной, главное, постановкѣ статистическихъ наблюденій тотъ методъ большихъ чиселъ, которому мало симпатизировалъ Д. А., не даетъ вполнѣ удовлетворительныхъ результатовъ, но со временемъ этотъ методъ, суммируя

правильно постановленныя многочисленныя индивидуальныя наблюденія, установить съ большею точностью категоріи и виды тѣхъ личныхъ состояній, которымъ придавалъ такое огромное значеніе Д. А. Во всякомъ случаѣ въ этихъ, указанныхъ самимъ Д. А., предѣлахъ принадлежности его къ уголовно-антропологической школѣ, заслуги его передъ русской наукой, въ смыслѣ установленія неопровержимаго положенія о необходимости изученія живой личности преступника, очень велики. Это громадное пріобрѣтеніе, отъ котораго теперь едва ли ужъ могутъ отказаться даже самые убѣжденные представители догматической школы. Надо ли говорить, что эти взгляды всесторонне и широко были развиты и обоснованы Д. А. не только въ отдѣльныхъ изслѣдованіяхъ: „Малолѣтніе преступники“, „Психо-физическіе типы“, „Преступность и преступники“, но и въ рядѣ статей. Какъ извѣстно съ самаго начала своей научной дѣятельности онъ примкнулъ къ тому кружку позитивной школы, которая во главѣ съ С. А. Муромцевымъ, М. М. Коваленскимъ, Гамабаровымъ и друг. издавалъ въ Москвѣ „Юридическій Вѣстникъ“. Здѣсь уже въ 1882 г. (№№ 11 и 12) мы находимъ статью Д. А. „Преступный человѣкъ, какъ порочный организмъ“. Въ томъ же направленіи Д. А. помѣщались статьи въ „Русской Мысли“, „Журналѣ Министерства Юстиціи“, „Тюремномъ Вѣстникѣ“, „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Сынѣ Отечества“ и друг. Вообще, его статьи могутъ составить рядъ томовъ.

Но главное значеніе того общаго вывода о большой умѣренности детерминистическихъ взглядовъ Д. А. сказывается на другомъ. Этотъ выводъ даетъ намъ ключъ къ объясненію значительной, скажемъ прямо, большей части дѣятельности трудовой жизни Д. А. Вѣдь, вся его дѣятельность была направлена на борьбу съ устарѣвшими, нецѣлесообразными, мѣрами противъ преступности, на борьбу съ причинами преступности, на созданіе и обезпеченіе новыхъ гуманныхъ, разумныхъ, мѣръ поднятія и исправленія тѣхъ несчастненькихъ и обездоленныхъ въ широкомъ смыслѣ слова, которымъ онъ отдалъ всю свою жизнь, свое сердце, свой трудъ. Возможна ли была бы, допустима ли даже, борьба, если бы Д. А. былъ, дѣйствительно, детерминистомъ, раздѣлялъ бы взгляды Ломброзо, Гарофало и многихъ другихъ представителей уголовно-антропологической школы съ ихъ крайностями. Вѣдь отъ нихъ исходили долгое время требованія казни, кастрированія, пожизненнаго заключенія въ особыя маникоміи, а логически съ неисправимыми и поступать иначе нельзя. А вмѣ-

сто этого Д. А. проповѣдывалъ однѣ мѣры гуманныя перевоспитанія, попеченія, обезпеченія надлежащихъ мѣръ для правильнаго развитія человѣческой личности.

Вся дѣйствующая лѣстница наказаній, какъ система мѣръ борьбы съ преступностью, подверглась систематической и какъ это слово ни странно въ примѣненіи къ Д. А.—жестокой критикѣ. Въ отношеніи тягчайшаго изъ наказаній — смертной казни, онъ имѣлъ случай высказаться еще въ 1892 г. на страницахъ „Юридическаго Вѣстника“. И вотъ что онъ тогда говорилъ по этому поводу (стр. 103):

„Нѣкоторые во Франціи утверждаютъ, что только смертная казнь одна лишь устрашаетъ великихъ злодѣевъ. Но развѣ Anastay, Voulourg и другіе убійцы, совершившіе въ недавнее время свои кровавыя дѣянія во Франціи, не знали хорошо, что ожидаетъ ихъ по закону. Конечно, знали. Убійства совершены. У насъ въ Россіи по общему праву не существуетъ смертной казни, а развѣ въ Петербургѣ и Москвѣ совершается больше кровавыхъ преступленій сравнительно съ Парижемъ, принимая при этомъ во вниманіе и различія въ цифрахъ населенія названныхъ городовъ. Далеко нѣтъ. Мысль, что чѣмъ больнѣе вредъ, которымъ грозитъ законъ за преступленіе, тѣмъ пропорціонально будто бы всегда больше и страхъ передъ наказаніемъ, представляетъ собою одно изъ освященныхъ временемъ величайшихъ заблужденій, которое, какъ и всякое другое заблужденіе, влечетъ за собою и невыгодныя слѣдствія. Если бы теорія о прямой постоянной пропорціональности между степенью страха передъ наказаніемъ и его тяжестью была вѣрна, то четвертованіе, колесованіе и многіе другіе ужасы прежней уголовной юстиціи были бы просто спасительными средствами въ борьбѣ съ язвой преступленія“.

Особенно безпощадному и не менѣе заслуженному осужденію подверглась со стороны Д. А. каторга и ссылка. Въ 1896 г., уже перейдя изъ Москвы на службу въ Петербургъ, промѣнявъ изученіе дѣтей бѣднаго населенія, въ качествѣ податного инспектора, на положеніе юрисконсульта Министерства Юстиціи, онъ былъ командированъ для изученія вопроса о каторгѣ и ссылкѣ, въ Сибирь, на Сахалинъ и во Францію (Новую Коледонію и друг.). Онъ представилъ громадный и подавляющій своими фактами докладъ Министру Юстиціи Муравьеву и описалъ въ рядѣ статей и въ особой книгѣ (Ссылка во Франціи и Россіи 1899 г.), что такое ссылка въ ея реальномъ видѣ. Прибавить къ этому

простому эпическому описанію всѣхъ безцѣльныхъ и нецѣлесообразныхъ ужасовъ, конечно, нечего. Но на этотъ разъ на Д. А. выпала роль быть не только проповѣдникомъ, но и реформаторомъ. Въ прелестной, трогательной, статьѣ, посвященной памяти Д. А. и пребыванію его на Сахалинѣ въ 1896 г. (Русское слово 1910 г. 6 ноября: Д. А. Дриль на Сахалинѣ), бывшій въ то время сахалинскимъ врачемъ Н. Лобасъ описываетъ въ яркихъ краскахъ, какія душевныя муки переживалъ Д. А. Онъ ходилъ по камерамъ и натыкался на лицъ, посаженныхъ въ карцеръ только за то, что они отказывались сѣчь по приказанію начальства своихъ товарищей, и у Д. А. вырывались невольно слова: „вѣдь, вы наказываете за то, что у нихъ сохранились еще остатки человѣческихъ чувствъ“. Онъ все время долженъ былъ встрѣчаться съ узаконеннымъ, такъ сказать, оффиціально развратомъ, выражавшимся въ раздачѣ женщинъ начальствомъ поселенцамъ, какъ говорилось оффиціальнымъ языкомъ для „благоустройства домообзаводства“; самыя красивыя изъ каторжанокъ, конечно, оставались для той же цѣли въ распоряженіи начальства. Такъ же официально временные браки и прекращались, и женщины передавались другимъ. Д. А. приходилось осматривать запасы сала, признаннаго неблагонамѣренными, съ точки зрѣнія начальства, врачами недоброкачественнымъ. При этомъ осмотрѣ со спутникомъ Д. А. сдѣлалось дурно отъ запаха, исходившаго отъ доброкачественнаго сала. Д. А. не щадилъ себя и пѣшкомъ обходилъ поселенія, чтобы убѣдиться во всей неприглядности и безнадежности этого способа колонизаціи. Д. А. не выдержалъ нравственнаго воздуха Сахалина, сбѣжалъ оттуда раньше срока, но его поѣздка имѣла важные результаты: былъ смѣненъ губернаторъ, имѣвшій такое слабое обоняніе, былъ введенъ рядъ гуманныхъ мѣръ.

Слѣдующей мѣрой наказанія является тюрьма. Надо ли говорить, что, начиная съ 1884 г., когда на страницахъ „Юридическаго Вѣстника“ появились его статьи (№ 1), посвященныя описанію видѣнныхъ имъ въ годы 1881—1883 иностранныхъ тюремъ, онъ посвящалъ много работъ тюремному вопросу, всегда и неизмѣнно отмѣчая печальные результаты тюремнаго заключенія, какъ мѣры борьбы съ преступностью. Она не возрождаетъ и исправляетъ, а развращаетъ и подавляетъ, дѣлаетъ лицъ, снабженныхъ клеймомъ тюремнаго сидѣльца, окончательно негодными для здоровой, честной трудовой жизни. Въ этомъ съ Д. А., хотя и съ сожалѣніемъ, вынуждены были согласиться представители тюремнаго

вѣдомства всѣхъ странъ. Эпиграфомъ для диссертаціи о малолѣтнихъ преступникахъ были избраны Д. А. слова Wines: „Дѣйствительная задача не столько улучшать тюрьмы, сколько уничтожать ихъ, не столько дѣлать постановку ихъ правильнѣе, сколько дѣлать ихъ безполезнѣе“.

Съ 1897 г. Д. А. Дриль былъ поставленъ въ качествѣ главнаго руководителя во главѣ управленія нашими воспитательно-исправительными заведеніями. Это была новая гуманная мѣра, вполнѣ отвѣчавшая взглядамъ Д. А., а сами заведенія, которымъ онъ посвятилъ много времени, были для него опытнымъ полемъ въ его научныхъ изслѣдованіяхъ. Вопросу о принудительномъ воспитаніи, какъ самой разумной мѣрѣ борьбы съ преступностью, и не только для малолѣтнихъ, но и для взрослыхъ, онъ посвятилъ рядъ работъ въ „Журналѣ Министерства Юстиціи“ (1900 г. мартъ, апрѣль, май), „Тюремномъ Вѣстникѣ“ и другихъ журналахъ. Онъ принималъ ближайшее участіе въ выработкѣ: закона 2 іюня 1897 г., коимъ принудительное воспитаніе признано наиболѣе цѣлесообразной мѣрой для несовершеннолѣтнихъ до 17 лѣтъ, и закона 19 апрѣля 1909 г., коимъ дано новое положеніе нашимъ воспитательно-исправительнымъ заведеніямъ, и обезпечены за ними значительно большія средства.

Въ послѣдніе годы жизни съ него, наконецъ, было снято запрещеніе и онъ съ радостью присоединилъ къ другимъ родамъ своей дѣятельности и ту педагогическую дѣятельность, къ которой готовился съ самаго выступленія въ жизни. Онъ началъ читать лекціи по уголовному праву въ Политехническомъ Институтѣ и его трудъ, хотя только въ литографированномъ видѣ, чрезвычайно поучителенъ, какъ опытъ вставить сравнительно, правда, небольшой догматическій трактатъ по уголовному праву въ общее ученіе о преступности и о мѣрахъ борьбы съ нею.

Вмѣстѣ съ В. М. Бехтеревымъ онъ, далѣе, является основателемъ Психоневрологическаго Института, въ которомъ, согласно съ основными его взглядами, изучается почти весь кругъ позитивныхъ наукъ, и личность человѣка не только не забыта, но выдвинута на первый планъ. Съ осени 1910 г. Д. А. началъ и самъ читать лекціи въ Психо-неврологическомъ Институтѣ.

Кромѣ того, онъ принималъ участіе въ Народномъ Политехникумѣ, курсахъ Побѣдинскаго, въ русской группѣ союза криминалистовъ и другъ.

Но научная дѣятельность и опытное поле въ видѣ воспитательно-исправительныхъ заведеній не удовлетворяли Д. А. и неисчерпывали всей кипучей его дѣятельности.

Онъ направляетъ свою дѣятельность на борьбу съ тѣми факторами, которые приводятъ къ оскудѣнію. Я, именно, говорю объ оскудѣніи всяческомъ, какъ о явленіи болѣе широкомъ чѣмъ о преступности, какъ одномъ изъ ручейковъ этого грознаго потока, захватывающаго все большую часть человѣчества.

Однимъ изъ главныхъ факторовъ этого рода является, конечно, алкоголизмъ. Д. А. Дриль принимаетъ близкое участіе въ трудахъ Особой Коммиссіи, образованной при Обществѣ охраненія народнаго здравія, читаетъ публичныя лекціи, пишетъ статьи („Русскихъ Вѣдомостяхъ“, „Журналѣ Министерства Юсти ціи“ и друг.) и въ концѣ концовъ ему удается собрать въ 1909 г. первый русскій конгрессъ по борьбѣ съ алкоголизмомъ. Въ 1902 г. вмѣстѣ съ Ковалевскимъ и Нижегородцевымъ Д. А. Дрилемъ образуется Товарищество борьбы съ жилищною нуждою, а 10 декабря 1906 г. онъ имѣетъ уже счастіе присутствовать при освященіи въ Гаваньскомъ городкѣ дома дешевыхъ жилищъ (4—5 руб. за комнату) для 1500—2000 человѣкъ. Хотя это Товарищество было образовано только для Петербурга, но одного оглашенія такого факта, какъ учрежденіе Товарищества для борьбы съ жилищною нуждою, вызвало запросы съ разныхъ сторонъ Россіи, и не можетъ быть сомнѣній, что скромное начинаніе получитъ дальнѣйшее развитіе. А между тѣмъ въ жилищной нуждѣ Д. А. справедливо видѣлъ корень, причину многихъ современныхъ случайныхъ бѣдъ: разстройства семьи и даже просто невозможности жить семьею, всевозможныхъ болѣзней, наклонности утѣшиться, хотя бы временно, въ кабакѣ, наконецъ, всевозможнаго разврата, развивающагося на почвѣ, превышающей всякіе предѣлы, скученности населенія.

Мѣры по борьбѣ съ алкоголизмомъ и жилищною нуждою были направлены на ослабленіе отрицательныхъ, вредныхъ для человѣчества, условій жизни, способствующихъ вырожденію. Но, конечно, человѣкъ съ такимъ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, какъ Д. А. Дриль, не могъ удовлетвориться этими мѣрами. Онъ понималъ, что необходимы и положительныя мѣры, направленныя на расширеніе умственнаго горизонта низшей братіи, на вкорененіе въ мозгу представителей этой братіи тѣхъ общихъ идей, которыя только и могутъ сдерживать сидящаго въ каждомъ человѣкѣ „звѣря“, животныя страсти. А для достиженія этой цѣли надо

войти въ положеніе этого трудящагося занятого люда, и такъ какъ онъ не можетъ посѣщать университеты, то надо приблизить университетъ къ нему путемъ созданія такъ называемыхъ народныхъ университетовъ.

И вотъ въ декабрѣ 1905 г., по приглашенію Н. В. Дмитріева, Д. А. Дриль читаетъ въ обществѣ гражданскихъ инженеровъ лекцію о народныхъ университетахъ. Возникаетъ мысль о образованіи Всероссійскаго общества народныхъ университетовъ, но образованіе такого общества не разрѣшается, и въ 1906 г. возникаетъ С.-Петербургское общество народныхъ университетовъ. Но идея требуетъ болѣе широкаго примѣненія, поэтому Д. А. отправляется въ томъ же 1906 г. въ Москву, въ качествѣ предсѣдателя петербургской коммисіи народныхъ университетовъ. Здѣсь онъ обращается къ ряду мѣстныхъ дѣятелей, пишетъ статьи въ „Русскихъ Вѣдомостяхъ“, ему удается образовать временное бюро подъ предсѣдательствомъ друга Д. А. профессора В. Д. Шервинскаго, начинается чтеніе лекцій, и въ слѣдующемъ году уже дѣйствуютъ шесть отдѣловъ (въ родѣ факультетовъ, имѣется даже медицинскій отдѣлъ). Идеи Д. А. отвѣчали въ такой степени назрѣвшей нуждѣ, что возникаетъ рядъ аналогичныхъ учрежденій въ другихъ городахъ, и уже въ 1908 г. Д. А. Дриль является предсѣдателемъ организаціоннаго бюро по устройству Перваго Всероссійскаго Съѣзда дѣятелей обществъ народныхъ университетовъ и другихъ просвѣтительныхъ учрежденій частной инициативы. Здѣсь были представлены уже популярно научные курсы для рабочаго ремесленнаго населенія въ Нижнемъ Новгородѣ, Кубанское Общество Народныхъ Университетовъ, Тифлисское Общество Народныхъ Университетовъ и т. д. Д. А. былъ представленъ докладъ о преподаваніи практической нравственности.

Одного этого дѣла было бы достаточно, чтобы увѣковѣчить имя человѣка. Трудно перечислить тѣ зарождающіяся „соціальныя“ единенія, въ которыхъ принималъ участіе Д. А. Такъ, онъ много посвятилъ трудовъ обществу защиты женщинъ и предсѣдательствовалъ въ одной изъ секцій на созванномъ въ 1910 г. первомъ съѣздѣ по защитѣ женщинъ. Такъ, далѣе, онъ прочелъ въ 1910 г. на первомъ всероссійскомъ съѣздѣ дѣятелей по общественному и частному призрѣнію докладъ, по которому былъ принятъ рядъ важныхъ резолюцій, направленныхъ къ обезпеченію воспитанія и обученія заброшенныхъ дѣтей.

Велика, разностороння и плодотворна была дѣятельность Д. А. Въ этомъ скромномъ, тихомъ, даже застѣнчивомъ, человѣкѣ

скрывался могучій, неутомимый и сильный духъ служенія обществу, служенія наиболѣе обездоленной его части. Его имя, несомнѣнно, записано будетъ золотыми буквами на страницахъ русской культуры, а намъ всѣмъ онъ оставилъ завѣтъ, прекрасно выраженный словами поэта Некрасова, въ стихотвореніи „Сѣятелямъ“:

„Сѣйте разумное, доброе, вѣчное
Сѣйте, спасибо вамъ скажетъ сердечное
Русскій народъ“.

С. Гогель.

Дмитрій Андреевичъ Дриль, какъ педагогъ и руководитель дѣла перевоспитанія несовершеннолѣтнихъ преступниковъ.

Рѣчь *М. П. Беклешова* на торжественномъ засѣданіи криминологической секціи Психо-Неврологическаго Института посвященномъ памяти Д. А. Дриля.—20 ноября 1910 года.

М. Г. М. Г.

Дмитрій Андреевичъ Дриль, какъ натура цѣльная, дѣятельная, какъ человѣкъ, стремившійся всегда воплотить свои слова и вѣрованія въ дѣло, не могъ, безъ сомнѣнія, оставаться чистымъ теоретикомъ въ той области знаній, на изученіе которой онъ положилъ такъ много времени и таланта, и глубокіе тайники которой онъ такъ вдумчиво раскрывалъ.

Педагогика—теоретическая и прикладная—не могла не привлечь къ себѣ вниманія Дриля — психолога и антрополога. А практика жизни, всегда суживающая и вводящая въ опредѣленное русло дѣятельность человѣка, указала Д. А. и вполнѣ опредѣленную область педагогики: Д. А. ужъ въ свои молодые годы, направившій вниманіе на изученіе причинъ человѣческой порочности и преступности—и избралъ область *принудительнаго* воспитанія малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ. Къ тому же и возникновеніе этого новаго для Россіи дѣла—дѣла принудительнаго воспитанія—почти совпало съ началомъ общественной дѣятельности Д. А.

И надо только радоваться этому совпаденію: я надѣюсь дальнѣйшимъ изложеніемъ представить вамъ, какое громадное значеніе, исключительное значеніе имѣли труды и личность незабвеннаго Д. А. въ постановкѣ и направленіи этой отрасли воспитанія у насъ, отрасли, которой покойный придавалъ значеніе общественно-государственнаго вопроса.

Уже въ послѣдніе годы Д. А. въ своемъ курсѣ „Уголовнаго права“ словами профессора Хамеля на Туринскомъ уголов.-антроп. конгрессѣ утверждаетъ, что „*система перевоспитанія несовершеннолѣтнихъ можетъ и должна служить прототипомъ системы воздѣйствія и на взрослыхъ преступниковъ*“, причемъ Д. А. приводитъ въ примѣръ дѣятельность извѣстныхъ американскихъ реформаторій для взрослыхъ—Эльмиры и Конкордіи.

Чтобы быть вполнѣ яснымъ въ характеристикѣ покойнаго, позволю себѣ вкратцѣ напомнить присутствующимъ главнѣйшія теоретическія положенія Д. А., служившія ему всегда отправными точками, базою какъ въ работахъ антропологическаго характера, такъ и въ трудахъ педагогическихъ.

Эти положенія слѣдующія:

1. Въ основѣ чувствующей и думающей психической личности лежитъ личность біологическая, какъ анатомо-физіологическій субстратъ.

2. Отдѣльныя внѣшнія и внутреннія чувствованія, получаемыя чрезъ посредство периферическихъ и внутреннихъ органовъ человѣческаго тѣла [1]) суммируются въ *общее сложное чувствованіе* или въ самочувствіе человѣка, которое и составляетъ *основной фонъ, настроеніе*, дающее ту или другую окраску его мышленію и поведенію.

Д. А. требуетъ выработку въ человѣкѣ „спокойно-пріятныхъ и благопріятныхъ *настроеній*, въ которыхъ и изъ которыхъ зарождаются влеченія и стремленія къ воплощенію въ жизни добра и справедливости“.

Для осуществленія этой задачи необходимо:

1) правильное развитіе чувствованій, необходима *культура ихъ* (т. е. *органическое*, физическое воспитаніе) и 2) образованіе выгодныхъ ассоціацій *между*,—съ одной стороны—*опредѣленными чувствованіями* и настроеніями, а съ другой—опредѣленными *представленіями, понятіями*, взглядами и убѣжденіями (что и составитъ образованіе умственное и нравственное).

Такъ какъ отдѣльныя системы органовъ или, какъ любилъ выражаться покойный Д. А., органическія системы у различныхъ людей развиты не одинаково и неодинаково дѣятельны, что, въ свою очередь, зависитъ и отъ наслѣдственности, и отъ повседневнаго образа жизни или упражненія этихъ органовъ, то, поэтому,

---

[1]) Глазъ, ухо, мозгъ, сердце, кишечникъ и т. д.

мы и получаемъ такое разнообразіе человѣческихъ типовъ и личностей. О соціальныхъ факторахъ—нѣсколько позже.

Вотъ, собственно говоря, основныя положенія Д. А. въ интересующей насъ области воспитанія.

О той массѣ матеріаловъ, которую обыкновенно приводитъ Д. А. въ подтвержденіе и *развитіе* этихъ положеній, я и упоминать затрудняюсь, и не думаю, что это входитъ въ программу настоящаго собранія.

Т. к. цѣль моего сообщенія указать на дѣятельность Д. А. въ борьбѣ съ дѣтскою преступностью и на значеніе его, какъ руководителя перевоспитаніемъ послѣднихъ, то я въ этомъ предисловіи приведу и ту общую характеристику, т. н. „малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ преступниковъ“, которую всегда давалъ Д. А. въ своихъ работахъ, исходя изъ своей *соціально-органической* теоріи. Маленькая оговорка.—Д. А., который не признавалъ ученіе классической школы объ уголовномъ вмѣненіи во всей полнотѣ *и къ взрослымъ преступникамъ*, безъ сомнѣнія, какъ мы это увидимъ ниже, отвергалъ таковое по отношенію къ дѣтямъ и всегда протестовалъ противъ сочетанія такихъ, другъ друга исключающихъ, понятій, какъ слова „малолѣтній“ и „преступникъ“, и допускалъ эти выраженія только въ аудиторіи или въ литературѣ, т. к. это выраженіе почему-то твердо установилось въ обществѣ.

Вотъ, напр., одна изъ приводимыхъ имъ характеристикъ дѣтей, пополняющихъ собою в.-ис. заведенія: „по физическому и умственно-нравственному складу большинство новичковъ вос.-испр. заведеній представляютъ собою отрицательные типы—малокровные, худосочные, слабаго сложенія, быстро утомляющіеся при классныхъ занятіяхъ, непривыкшіе сосредоточивать своего вниманія и крайне разсѣянные, туго воспринимающіе новые порядки, неуживчивые даже другъ съ другомъ—они въ громадномъ большинствѣ своемъ представляютъ именно то, что принято называть оскудѣлыми натурами“.

Это—„дѣти, преимущественно, заброшенныя, оставляемыя родителями, работающими *внѣ* дома, безъ всякаго присмотра, почему, привыкшія сами собою располагать, неохотно и подчиняются трудовому режиму заведеній.

Такимъ образомъ, общими причинами преступности дѣтей являются: наслѣдственность, въ тяжелыхъ своихъ формахъ, алкоголизмъ родителей, а часто пьянство и самихъ дѣтей, неблагопріятныя условія жизни большихъ городовъ, а подчасъ и современ-

ной деревни, и *безпомощность* безпризорныхъ, этихъ „*ничьихъ*“ дѣтей, какъ часто называлъ ихъ Д. А.

Въ одномъ изъ своихъ многочисленныхъ докладовъ Д. А., возстановивъ передъ слушателями, по документамъ, цѣлую галлерею портретовъ подобныхъ „преступниковъ“, говоритъ: „вполнѣ основательно можно сказать, что далеко не такъ важны сами по себѣ различныя кражи и даже грабежи и поджоги, приводящіе несовершеннолѣтнихъ въ заведенія исправительнаго воспитанія по суду, какъ важны постепенно развивающіяся у нихъ, подъ совокупнымъ вліяніемъ условій наслѣдственныхъ и личнаго прошлаго, тѣ особенности натуры и характера, которыя дѣлаютъ ихъ вполнѣ подготовленными кандидатами на крайне вредныхъ и нетерпимыхъ членовъ общества“.

Въ другомъ мѣстѣ, указывая на органическія особенности этихъ дѣтей, несущихъ на себѣ грѣхи отцовъ и общества, Д. А. говоритъ: „повторяю, они не больные, требующіе *клиническаго* леченія: они только продукты оскудѣнія породы, и въ ихъ жизни болѣзни, въ собственномъ смыслѣ,—только эпизодическія явленія“.

Наконецъ, намѣчая, такъ сказать, вѣхи педагогическихъ воззрѣній Д. А., не могу не сослаться на одну чрезвычайно интересную работу покойнаго, помѣщенную въ „Вѣстн. Психологіи“ подъ заглавіемъ „Царство Божіе внутри насъ“. Въ этой статьѣ, помимо глубокаго анализа чувства любви или, какъ его авторъ называетъ, родового чувства, Д. А. выказалъ свое благородное вѣрованіе не только въ науку и въ будущее, но и въ *настоящее* время. Въ этой статьѣ Д. А., беря въ основу построенія идеала *психофизическую* природу человѣка, задается вопросами — „въ чемъ счастье, гдѣ путь къ нему, средства къ его достиженію? Счастьемъ онъ называетъ то состояніе натуры человѣка, когда послѣдній идетъ на беззавѣтное служеніе людямъ и „не знаетъ мѣры жертвъ своихъ“, когда человѣкъ счастливъ своимъ чистымъ внутреннимъ міромъ и несетъ съ собою ясность и радость въ окружающій его міръ. На вопросъ—гдѣ путь, средства къ достиженію этого счастья, этого царства Божія на землѣ?—Д. А., не колеблясь, отвѣчаетъ: что „средства эти прежде всего *въ правильной культурѣ чувства*,—въ гармоническомъ развитіи органической жизни и психической“.

Вотъ какое громадное значеніе придавалъ покойный мыслитель раціональному воспитанію. Въ концѣ этой статьи Д. А. указываетъ на 18 вѣкъ „когда зародились широкія гуманныя идеи, и стали раздаваться голоса людей, мечтавшихъ о созданіи

новой, болѣе совершенной породы людей, когда зазвучала вдохновенная проповѣдь Руссо, когда выступили Лафатеръ и Песталоцци“...

„Но тому времени, замѣчаетъ Д. А., не доставало точныхъ знаній, недоставало точныхъ методовъ изслѣдованія, недоставало и развитія техники... Но съ той поры, продолжаетъ Д. А., прошло уже много времени, и ростъ общества подготовилъ у насъ многое... Далеко подвинулся впередъ научный анализъ во всѣхъ областяхъ вѣдѣнія, вооруженный знаніями, умъ человѣка заглянулъ во многіе тайники природы, и могущественно развилась техника, дающая практическія возможности для широко разлитыхъ усовершенствованій и благополучія. *Недостаетъ пока только широкаго распространенія въ обширныхъ слояхъ общества* идеаловъ, существованіе которыхъ нужно для подъема духа и творчества“.

И что покойный Д. А. смотрѣлъ на конечную задачу воспитанія и обученія глубоко демократически, свидѣтельствуетъ слѣдующія небольшія цитаты изъ его книги „Тюрьма и принудительное воспитаніе“: „Въ борьбѣ націй несомнѣнно будутъ имѣть успѣхъ только націи, въ возможно большей части своей *умственно и нравственно* хорошо вооруженныя“. Поэтому „всякое общество, во имя будущихъ своихъ судебъ и благосостоянія, неизмѣнно заинтересовано въ правильной организаціи *обученія и воспитанія массъ*, на которыхъ покоится его сила и крѣпость“.

И мы уже слышали здѣсь, что и въ своей общественной дѣятельности Д. А. энергично подтверждалъ дѣлами эти свои слова: организація курсовъ для рабочихъ массъ, народные университеты, политехникумъ—были для Д. А. самымъ близкимъ и дорогимъ дѣломъ.

Возвращаясь на минуту къ только что упомянутой статьи Д. А. „Царствіе Божіе внутри насъ“, не могу не подчеркнуть того обстоятельства, что при чтеніи ея невольно возстановляется въ памяти ученіе Толстого и его идеалъ личной жизни человѣка. Какъ эти идеалы сходны и какъ различны базы, отъ которыхъ исходятъ оба мыслителя: Толстой утверждаетъ этотъ идеалъ, какъ моралистъ-философъ, Дриль—какъ психофизіологъ.

Я представилъ вамъ, м. г. и м. г., исходныя и конечныя положенія Д. А., какъ педагога-теоретика. Позднее время не позволяетъ мнѣ представить вамъ развитіе этихъ положеній, т. б., что предыдущіе ораторы уже достаточно выяснили взгляды Д. А., напр., на наказанія, на общія мѣры борьбы съ преступностью, соціальную профилактику. Позвольте перейти къ изложенію практической

дѣятельности незабвеннаго Дмитрія Андреевича въ области принудительнаго воспитанія т. наз. „несовершеннолѣтнихъ преступниковъ“.

Я уже, въ началѣ рѣчи, упомянулъ, что практическая дѣятельность Д. А. въ этой области совпала, счастливо для послѣдней, съ начальнымъ развитіемъ ея, особенно въ области законодательной.

Поэтому позволю себѣ, въ краткихъ словахъ обрисовать законодательство и организаціи этого дѣла у насъ въ Россіи.

Свое начало вос.-испр. заведенія ведутъ отъ эпохи великихъ реформъ, отъ закона 5 дек. 1866 г., призвавшаго города, земства, частныя благотворительныя общества и отдѣльныхъ лицъ къ устройству для малолѣтнихъ и несовершеннолѣтнихъ, взамѣнъ тюремъ, особыхъ заведеній.

Законъ этотъ, въ виду новизны дѣла, не регламентировалъ жизни и правилъ заведеній, предоставивъ русскому обществу полную иниціативу.

Но т. к. законъ этотъ былъ помѣщенъ не отдѣльно, а въ *Уставѣ о содержащихся подъ стражей*, то при начальномъ же развитіи дѣла возникли недоразумѣнія—считать ли эти заведенія карательными или воспитательными. Отъ рѣшенія *этого вопроса* зависѣло установленіе тѣхъ или другихъ распорядковъ заведеній и даже самая судьба дѣла...

Явилась необходимость для рѣшенія этого вопроса, а также массы и другихъ, порождавшихся практикою заведеній и обществъ, ихъ содержавшихъ—*въ съѣздахъ*. Первый съѣздъ представителей рус. в.-с. з. состоялся въ 1881 г. въ Москвѣ; къ этому времени въ Россіи было всего 9 заведеній. Затѣмъ эти съѣзды созывались каждыя 4—5 лѣтъ. Въ 1908 г. былъ VII съѣздъ уже отъ 48 заведеній. Д. А. съ III съѣзда 1890 г. становится постояннымъ участникомъ всѣхъ слѣдующихъ съѣздовъ, до послѣдняго VII включительно. Кромѣ того, какъ представитель Главнаго Тюремнаго Управленія, Д. А. дѣлается участникомъ Выс. утв. постояннаго Бюро съѣздовъ, назначеніе котораго—подготовлять періодическіе съѣзды, выполнять ихъ постановленія и служить связью какъ между съѣздами, такъ и отдѣльными обществами и заведеніями.

И услуги, оказываемыя Д. А. Бюро, неоцѣнимы: ни одинъ докладъ, ни одно ходатайство предъ правительствомъ не обходится безъ участія неутомимаго Д. А. Здѣсь мы его видимъ среди другихъ безсмѣнныхъ членовъ Бюро: Н. С. Таган-

цева, К. В. Рукавишникова, проф, В. В. Миклашевскаго и А. А. Фидлера, дир. Рук. Мос. пр. Благодаря трудамъ Бюро и съѣздамъ, значительно совершенствовалось законодательство о малолѣтнихъ, которое и вылилось въ законы: 1897 года—о судимости и наказуемости несовершеннолѣтнихъ и въ „Положеніе о вос.-испр. зав.“ 1909 года.

Вышедшіе ранѣе законы 1892 и 93 г. г. совершенно устранили сомнѣнія въ характерѣ заведеній, придавъ имъ значеніе исключительно *воспитательное*, и внеся такіе серьезныя, вызванныя самою жизнью, перемѣны, какъ отмѣна *срочности* помѣщенія и опредѣленіе выпуска воспитанниковъ педаг. совѣтами или директорами заведеній.

Относительно закона 1897 г. Д. А. любилъ указывать, что если *особые суды для дѣтей* и были впервые введены въ Америкѣ,—въ 1899 г., то принципъ о возможности помѣщенія въ заведенія принудительнаго воспитанія несовершеннолѣтнихъ *не по приговорамъ* суда, а *по опредѣленіямъ* (у насъ окружного суда, дѣлаемымъ въ распорядительномъ его засѣданіи), а также указаніе на вредъ для малолѣтнихъ, приносимый торжественностью обрядовъ суда, публичностью—были впервые провозглашены въ законодательствѣ у насъ въ Россіи, именно въ запискѣ къ закону 1897 года.

Относительно *организаціи* самого дѣла принудительнаго воспитанія вотъ что говоритъ Д. А. въ рядѣ своихъ статей подъ общимъ названіемъ „Тюрьма и принуд. воспитаніе“ и *что*, теперь уже слѣдуетъ сказать, *завѣщалъ намъ:* „у насъ, въ дѣлѣ принудительнаго воспитанія, самымъ опытомъ жизни сложилась и дальнѣйше развивается счастливая, подобная англійской, *форма сотрудничества*, которую *слѣдуетъ беречь и охранять:* государство, земства и города, приходящіе со своими пособіями и содѣйствіемъ своихъ представителей на помощь частно-благотворительной иниціативѣ въ формѣ обществъ, спеціально для того учреждающихся и имѣющихъ свои органы — періодическіе съѣзды ихъ представителей и постоянное Бюро. При такой формѣ сотрудничества, говорилъ далѣе Д. А., каждый изъ сотрудниковъ даетъ то, что онъ съ наибольшею выгодою для дѣла способенъ дать“.

Особенно интересна и поучительна роль Д. А. на съѣздахъ. Помимо того, что онъ давалъ всегда массу „дѣловыхъ справокъ“ какъ по законодательству, такъ и по вопросамъ и исторіи отдѣльныхъ заведеній и обществъ, дѣлалъ ссылки на труды междуна-

родныхъ конгрессовъ и служилъ какъ бы живою связью съ дѣятелями и учрежденіями западн. Европы и ея опытомъ и культурою, члены и посѣтители съѣздовъ всегда съ интересомъ и глубокимъ вниманіемъ выслушивали рѣчи Д. А. по основнымъ вопросамъ воспитанія и криминологіи.

За послѣднее десятилѣтіе педагогика сдѣлала громадные шаги впередъ. Такъ наз. „традиціонная“ педагогика съ ея рецептурою и рутиною все болѣе и болѣе оттѣсняется *научной* педагогіей—*педологіей,* ставящей изученіе ребенка и школы по строго научнымъ методамъ, заимствованнымъ не отъ домостроя, а отъ естествознанія.

Вотъ почему съѣзжавшіеся на эти съѣзды изъ всѣхъ угловъ Россіи педагоги, притомъ посвятившіе себя наиболѣе трудной части ея—воспитанію отсталыхъ и порочныхъ дѣтей и юношей—съ такою жадностью слушали строго обоснованные доклады и рѣчи Д. А. Какъ занятія съѣздовъ не были утомительны,—члены его душою отдыхали и возвращались на мѣста съ убѣжденіемъ и вѣрою, что работа ихъ не есть Сизифова работа, и этимъ они въ значительной мѣрѣ обязаны *исключительной* личности Д. А. Пять томовъ „Трудовъ“ послѣднихъ пяти съѣздовъ, на которыхъ участвовалъ покойный Д. А., свидѣтельствуютъ, съ какою настойчивостью и планомѣрностью, скажу, проводилъ на всѣхъ съѣздахъ Д. А. тѣ предложенія свои и мѣропріятія, которыя онъ считалъ вѣрными и полезными. Позволю себѣ остановиться на двухъ, трехъ примѣрахъ.

Такъ, еще на III съѣздѣ, въ 1890 г., Д. А. началъ проводить идею объ уголовной невмѣняемости дѣтей до 16 лѣтъ.

Это, безъ сомнѣнія, не значитъ, что онъ не требовалъ воздѣйствія на подростковъ этого возраста. Но, зная предубѣжденіе общества противъ лицъ, побывшихъ подъ судомъ, вредъ для подростковъ фигурировать при торжеств. обстановкѣ суда, соединенной съ публичностью и преніемъ сторонъ, зная по опыту, что все это дѣйствуетъ отрицательно на незрѣлый умъ и душу юнаго подсудимаго,—Дмитрій Андреевичъ и предлагалъ уголовное возмездіе замѣнить педагогическими воздѣйствіями.

Но такъ какъ ему на III съѣздѣ оппонировали видные юристы другой школы, то Д. А. не предлагалъ даже этотъ вопросъ—замѣну суда для дѣтей учрежденіями опекунскаго характера—ставить на очередь какъ ходатайство передъ законодательною властью, а выразить его какъ „пожеланіе“ съѣзда.

*

Но въ виду практическихъ трудностей, а частью и теоретическихъ соображеній, III съѣздъ этотъ вопросъ не поставилъ и на очередь.

Д. А. свою любимую идею не оставилъ и на съѣздахъ IV, V и VI, и только черезъ 18 лѣтъ могъ торжествовать: VII уже проситъ *единогласно* Д. А. взять на себя докладъ на означенную тему „о замѣнѣ суда для несовершеннолѣтнихъ особыми учрежденіями опекунскаго характера". И даже смерть иниціатора не помѣшаетъ движенію этого весьма жизненнаго и принципіально важнаго вопроса: на засѣданіи Бюро, послѣдовавшемъ уже послѣ смерти Д. А. разработку этого вопроса взялъ на себя видный представитель Гл. Т. Управленія М. М. Боровитиновъ (равно какъ и другой вопросъ, оставленный Д. А. — объ учрежденіи особыхъ курсовъ для педагогическаго персонала вос.-испр. заведеній).

Другой, весьма важный вопросъ для успѣшной дѣятельности заведеній это — *организація медико-педагогическихъ* наблюденій надъ воспитанниками вос.-испр. заведеній прошелъ тоже только благодаря иниціативѣ и незаурядной энергіи Д. А.

Возбудилъ этотъ вопросъ Д. А. еще на V съѣздѣ въ 1900 г. Для успѣшнаго проведенія его и разработки Д. А. организовалъ двѣ коммиссіи: въ Москвѣ изъ представителей двухъ московскихъ обществъ: психологовъ и психіатровъ и въ СПБ. Общ. Нор. и Пат. Психологіи и IV секціи О-ва охраненія народ. здр. Выработанный этими двумя коммиссіями „листъ изслѣдованія" былъ принятъ слѣдующими съѣздами, и, безъ сомнѣнія, *систематическое* изученіе личности юнаго „преступника" будетъ имѣть двойное значеніе: для непосредственнаго воспитанія, т. к. этотъ „листъ изслѣдованія" направитъ вниманіе наблюдателя-воспитателя по опредѣленному руслу и невольно заставитъ считаться съ органическими и психическими особенностями питомцевъ, а, кромѣ того, собираемый матеріалъ явится весьма цѣннымъ для дальнѣйшей разработки вопроса о порочныхъ и преступныхъ дѣтяхъ.

Интересно для характеристики личности покойнаго Д. А. привести обычный его отвѣтъ на указанія *трудности* при проведеніи того или другого мѣропріятія: „да, мнѣ говорятъ, что это дѣло трудное, а я скажу, что всякое дѣло сопряжено съ трудностями, *пока мы въ него не вглядимся и не придемъ къ какому-нибудь твердому убѣжденію*, но разъ послѣднее у насъ создалось,—все дѣлается легкимъ"; помню, какъ на послѣднемъ съѣз-

дѣ послѣ этой тирады Д. А. раздался оглушительный шумъ аплодисментовъ.

И энергіи Дмитрія Андреевича надо было удивляться! Кромѣ работы по Бюро и съѣздамъ, Д. А. удѣлялъ массу времени заведеніямъ принудительнаго воспитанія и по оффиціальному своему положенію въ Главномъ Тюремномъ Управленіи—юрисконсульта, завѣдующаго дѣлами вос.-испр. заведеній. Переписка съ обществами, содержащими эти заведенія, удовлетвореніе ходатайствъ, какъ оффиціальныхъ, такъ и частныхъ, статистическія работы—все это проходило черезъ руки Д. А. и вызывало въ немъ самое пристальное къ себѣ отношеніе.

Но громадное, организующее значеніе въ жизни заведеній имѣли *объѣзды* Дмитріемъ Андреевичемъ этихъ заведеній. Вызывались они какъ ревизіонными цѣлями, такъ и цѣлью вызова мѣстнаго общества—представителей администраціи, земствъ и городовъ,—къ расширенію общественной дѣятельности или учрежденію новыхъ заведеній.

При своихъ „ревизіяхъ“ Д. А. отнюдь не являлся типичнымъ ревизоромъ. Замѣчательно бережное отношеніе къ личности человѣка,—будь то скромный провинціальный педагогъ, учитель или воспитанникъ колоніи, вдумчивое отношеніе къ каждому „трудному случаю въ воспитательномъ отношеніи“, въ большинствѣ случаевъ указаніе совершенно новой, всегда гуманной точки зрѣнія на „виновнаго“, указаніе подходящей литературы, бодрящихъ примѣровъ—все это дѣлало Дмитрія Андреевича не ревизоромъ, а чуднымъ консультантомъ, старшимъ и авторитетнымъ товарищемъ въ трудной, и подчасъ заставляющей чуть не опускать руки, работѣ перевоспитанія порочныхъ и даже преступныхъ дѣтей и юношей.

Наиболѣе часто трактуемыми темами бесѣдъ Дмитрія Андреевича съ педагогическимъ персоналомъ были: необходимость *изученія* каждаго отдѣльнаго вос-ка, *индивидуализація* воспитанія и обученія, мѣры воздѣйствія (напр., значеніе въ воспитаніи *закона подражанія)* и отрицаніе тѣлесныхъ наказаній, карцеровъ и прочихъ „пережитковъ мрачнаго средневѣковья“,—какъ ихъ называлъ покойный. Эти бесѣды часто кончались импровизированными лекціями по антропологіи и уголовному праву. Между прочимъ слѣдуетъ подчеркнуть, что при объясненіи вліянія *наслѣдственности,* Д. А. былъ далекъ отъ утвержденія какого-либо рокового предопредѣленія. Онъ, напр., въ „Этюдахъ по педагогической психологіи“ прямо говоритъ: Но послѣд-

няя (наслѣдственность)... „служитъ основаніемъ только предрасположеній, которыя могутъ быть устраняемы комбинированными внѣшними вліяніями“ (значеніе соціальныхъ факторовъ). И какъ примѣръ, Д. А. приводилъ дѣтей слабогрудыхъ, происшедшихъ отъ чахоточныхъ родителей. Эти дѣти, при счастливой внѣшней обстановкѣ, могутъ и не страдать ужаснымъ недугомъ.

Въ созываемыхъ, обыкновенно по иниціативѣ мѣстныхъ губернаторовъ, совѣщаніяхъ съ представителями городовъ и земствъ, Дмитрій Андреевичъ выступалъ горячимъ проповѣдникомъ воспитанія заброшенныхъ и безпризорныхъ дѣтей, хотя бы въ формѣ принудительнаго воспитанія, указывалъ на „удивительную безучастность“ русскаго общества къ своимъ обязанностямъ и даже самосохраненію, приводилъ массу статистическаго матеріала, напр., въ родѣ указанія, что изъ-за крайне незначительнаго числа воспитат.-исправ. заведеній въ Россіи *болѣе десяти тысячъ дѣтей* въ возрастѣ отъ 10 до 17 лѣтъ „должны развращаться“ въ тюрьмахъ со взрослыми и т. п. Между прочимъ Д. А. любилъ указывать, что эти колоніи и пріюты могутъ отлично исполнять значеніе образцовыхъ, показательныхъ хозяйствъ или огородовъ для мѣстнаго населенія, т. к. въ громадномъ большинствѣ своемъ имѣютъ достаточные земельные участки, необходимо только большее сближеніе этихъ учрежденій съ земствами и городами.

Чрезвычайно интересны были и посѣщенія Дм. Ан. со студентами Петербургской Земледѣльческой Колоніи. Д. А. умѣлъ такъ заинтересовывать своихъ слушателей дѣломъ перевоспитанія порочныхъ дѣтей, что послѣ каждаго такого посѣщенія лекціи многіе изъ студентовъ составляли свои записки, этимъ послѣднимъ дѣлался сводъ, который и служилъ предметомъ обсужденія при вторичномъ посѣщеніи или въ семинаріи Д. А. Въ послѣднемъ 1910 году, лѣтомъ, Д. А. предпринялъ во главѣ группы студентовъ цѣлое путешествіе для обзора этихъ заведеній, а затѣмъ фабрикъ и тюремъ — въ Москву, Нижній-Новгородъ, Владиміръ.

Послѣднимъ собраніемъ, когда Дмитрій Андреевичъ былъ въ средѣ дѣятелей по принудительному воспитанію въ Россіи,— былъ VII съѣздъ этихъ дѣятелей въ Москвѣ въ 1908 г. Воспоминаніемъ этого съѣзда я и закончу характеристику этого незабвеннаго, исключительнаго человѣка.

При закрытіи съѣзда, предсѣдатель его, маститый Николай Степановичъ Таганцевъ, тоже созидатель и непремѣнный участникъ всѣхъ съѣздовъ по принудительному воспитанію,

приглашая съѣздъ выразить Дмитрію Андреевичу благодарность за участіе въ трудахъ съѣзда, въ такой шутливой формѣ выразилъ значеніе послѣдняго въ съѣздахъ: „онъ, Дмитрій Андреевичъ, былъ нашимъ костылемъ и подпорою, безъ него мы хромали бы“... Безъ сомнѣнія отвѣтомъ съѣзда были горячіе и искренніе аплодисменты.

На послѣдней товарищеской трапезѣ, передъ разъѣздомъ и, какъ теперь оказалось, передъ окончательною разлукою съ Дмитріемъ Андреевичемъ, одинъ изъ участниковъ съѣзда, предлагая тостъ за Дмитрія Андреевича, сказалъ приблизительно слѣдующее: „Когда-то покойный Чеховъ, говоря о терніяхъ и трудностяхъ, выпадающихъ на злосчастную долю русскаго писателя, сказалъ—но пока живъ Левъ Николаевичъ Толстой, и пока онъ стоитъ въ рядахъ русской литературы—пріятно и лестно быть русскимъ писателемъ. Перефразируя слова Чехова, скажу—какъ ни тяжела доля русскаго педагога, работающаго въ области принудительнаго воспитанія, но пока съ нами Дмитрій Андреевичъ—не тяжела, а пріятна и дорога намъ наша служба обществу“.

Увы, въ эти дни мы осиротѣли вдвойнѣ...

М. Беклешовъ.

Д. А. Дриль, какъ участникъ международныхъ конгрессовъ.

Рѣчь *П. И. Люблинскаго* на торжественномъ засѣданіи криминологической секціи Психо-Неврологическаго Института, посвященномъ памяти Д. А. Дриля. 20 ноября 1910 года.

На мою долю приходится характеристика одной изъ сторонъ разносторонней дѣятельности покойнаго Д. А. Дриля—его участія въ международныхъ конгрессахъ. Дѣятельность въ нихъ свидѣтельствуетъ о томъ, что извѣстные научные интересы не сосредоточиваются у даннаго лица въ узкой, практической области запросовъ какой-либо отдѣльной страны, носящихъ порою случайный характеръ, а достигаютъ уровня запросовъ, волнующихъ все культурное человѣчество. Съ другой стороны, участвуя въ такихъ конгрессахъ, каждый почерпаетъ новыя силы для отстаиванія близкихъ идей, постоянно провѣряя и укрѣпляя ихъ путемъ общенія съ людьми, родственно мыслящими. Въ этомъ лежитъ великое значеніе солидарности, столь же важной въ научной области, какъ и во всѣхъ остальныхъ.

Д. А. Дриль рано ощутилъ такую потребность въ общеніи съ представителями западно-европейской науки. Въ 1881 году онъ предпринимаетъ двухлѣтнюю поѣздку по различнымъ государствамъ Запада, работаетъ подъ руководствомъ французскихъ психіатровъ и антропологовъ и въ лабораторіи проф. Крафтъ-Эбинга въ Грацѣ. Подъ вліяніемъ этихъ идей, онъ публикуетъ работу „О преступномъ человѣкѣ“, которая обращаетъ на себя вниманіе западной критики. Гарофало въ своей статьѣ „О новой позитивной школѣ въ Россіи“ указываетъ на Д. А. Дриля, какъ на наиболѣе радикальнаго позитивиста въ Россіи. Гретенеръ излагаетъ содержаніе работы Д. А. на страницахъ Zeitschrift für die Strafrechtswissenschaft. Близкое знакомство съ представителями уголовной антропологіи и симпатіи къ этому направленію дѣлаютъ Д. А. постояннымъ участникомъ всѣхъ *конгрессовъ уголов-*

ной антропологіи, начиная съ перваго конгресса въ Антверпенѣ въ 1885 г., когда совмѣстно съ другими онъ вырабатываетъ программу съѣздовъ. Онъ участвуетъ послѣдовательно въ 6 такихъ конгрессахъ и каждый разъ подробно знакомитъ русскихъ читателей съ новѣйшимъ прогрессомъ въ этой области. На самыхъ конгрессахъ онъ не остается пассивнымъ. Такъ на парижскомъ конгрессѣ 1889 г. онъ выступаетъ противъ ученія Ломброзо о преступномъ типѣ и въ пользу условнаго освобожденія; брюссельскому конгрессу 1892 г. онъ представляетъ докладъ „Объ основныхъ принципахъ уголовно-антропологической школы“. Эти принципы онъ сводилъ къ 7 основнымъ положеніямъ, изложеннымъ въ книгѣ „Преступность и преступники“ (СПБ. 1899 г., стр. 94).

На почвѣ преній относительно тезисовъ этого доклада была высказана идея о возможности примиренія классической и антропологической школъ, которая нашла себѣ дѣятельную поддержку въ лицѣ докладчика. На томъ же конгрессѣ онъ выступаетъ съ горячею рѣчью противъ признанія существованія неисправимыхъ преступниковъ. Я приведу отрывокъ изъ этой рѣчи, сильно повліявшій на присутствующихъ, отрывокъ, весьма характерный для гуманныхъ взглядовъ Д. А. „Въ нашихъ понятіяхъ о наказаніи есть много завѣщаннаго намъ вѣками далекаго прошлаго, и можно мало надѣяться на его спасительное вліяніе. Страхъ не дѣйствуетъ и не можетъ дѣйствовать постоянно. У дурныхъ натуръ легко возникаютъ увлеченія, вытекающія изъ особенности ихъ существа, и наступаютъ моменты забвенія, когда представленія опасности и чувство страха отпадаютъ и не говорятъ въ нихъ, и тогда они все снова и снова впадаютъ въ преступленія. Необходимо, чтобы въ самомъ человѣкѣ существовали внутренніе задерживающіе моменты. Но много ли дѣлается въ направленіи развитія послѣднихъ? Когда совершается преступленіе, общество приходитъ въ безпокойство и считаетъ нужнымъ самозащищаться. Но гдѣ оно было и что дѣлало оно, когда нужно было приспособлять къ жизни въ обществѣ этого уже готовившагося преступника? Наибольшій грѣхъ современныхъ обществъ состоитъ въ томъ, что они слишкомъ мало заставляютъ вибрировать въ человѣкѣ хорошія и благородныя чувства, а, напротивъ, возбуждаютъ въ немъ изо дня въ день чувства дурныя. Припомнимъ хотя бы тѣхъ по истинѣ несчастныхъ, которые шатаются по улицамъ нашихъ большихъ городовъ, ловя всѣ случаи пріобрѣсти себѣ кусокъ хлѣба, и которые встаютъ каждый день утромъ, не зная, какъ и чѣмъ они проживутъ до вечера. Окруженные при этомъ на ка-

ждомъ шагу невольно манящею ихъ роскошью и избыткомъ, они конечно ничего, кромѣ недобрыхъ чувствъ къ окружающимъ ихъ счастливцамъ, питать не могутъ. Но вотъ кто-либо изъ этихъ несчастныхъ падаетъ и совершаетъ преступленіе. Что дѣлаетъ общество тогда? Тогда оно сажаетъ его въ тюрьму. Я видѣлъ тюрьмы въ Германіи, Англіи, Франціи, Италіи, Бельгіи, Швейцаріи и Австріи. Многія изъ нихъ поистинѣ прекрасны съ внѣшней стороны и даютъ значительно больше, чѣмъ даетъ многимъ изъ нихъ жизнь на свободѣ: для такихъ онѣ—пристанища. Но что даютъ онѣ со стороны нравственной? Въ большинствѣ случаевъ очень мало, а если и много, то въ отрицательномъ направленіи. Развѣ келья и работа достаточны для нравственнаго подъема? Развѣ для воспитанія и исправленія вашего ребенка вы запрете его на долгіе годы въ одиночную келью? Конечно, нѣтъ. На сравнительно короткое время и келья можетъ быть полезна, какъ одно—и притомъ одно изъ самыхъ сильныхъ средствъ, но оно не панацея... А что ожидаетъ преступника за дверями тюрьмы?“ И Д. А. подробно рисуетъ безпомощность освобожденныхъ, равнодушіе и враждебность общества, новые соблазны. На вопросъ: что дѣлать? — онъ отвѣчаетъ сравненіемъ преступности съ чахоткой, которую слѣдуетъ всѣми силами предупреждать и которую очень трудно лѣчить, когда она уже проявилась. И на первомъ мѣстѣ въ ряду мѣръ предупрежденія должна быть поставлена борьба съ алкоголизмомъ.

На женевскомъ конгрессѣ 1896 г. Энрико Ферри представляетъ докладъ о „преступномъ темпераментѣ“, гдѣ подробно цитируетъ работу Д. А. „О психо-физическихъ типахъ“. Д. А. Дриль представляетъ этому съѣзду докладъ „Объ основаніяхъ и цѣли уголовной отвѣтственности“. Отмѣчая, изъ какихъ историческихъ элементовъ сложилось это неопредѣленное понятіе уголовной отвѣтственности, докладчикъ переходитъ къ современному положенію ея въ наукѣ. Послѣ того, какъ антропологическая школа указала въ качествѣ индивидуальныхъ факторовъ преступности на недостатки, пороки и аномаліи физической и психической природы человѣка, развившіеся, въ свою очередь, подъ вліяніемъ условій общественной среды, нельзя все возлагать на индивида. Нужно развить поэтому систему мѣръ предупрежденія, направленныхъ на общественное устроеніе и устраненіе причинъ вырожденія. Мѣры, направленныя на самого преступника, не должны разсчитывать спеціально на причиненіе страданій, а только на исправленіе физическое и нравственное. Отсутствіе са-

мого Д. А. на конгрессѣ дало узкое направленіе дальнѣйшимъ преніямъ, и вопросъ сосредоточился на темѣ о свободѣ воли. Въ 1906 г. на конгрессѣ въ Туринѣ Д. А. избирается однимъ изъ президентовъ конгресса уголовной антропологіи и успѣшно выступаетъ въ этой роли.

Участіе въ *международныхъ тюремныхъ конгрессахъ* Д. А. начинаетъ принимать со времени международнаго конгресса въ Петербургѣ въ 1890 г. Здѣсь онъ представляетъ докладъ по вопросу объ отвѣтственности малолѣтнихъ, формулированный въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Какая власть должна постановлять рѣшенія о судьбѣ дѣтей, виновныхъ въ порокахъ и преступленіяхъ? Какими данными и принципами слѣдуетъ руководствоваться при рѣшеніи, должны ли эти пороки и преступленія влечь за собою заключеніе въ карательное заведеніе или же отдачу въ воспитательное учрежденіе? Долженъ ли возрастъ дѣтей служить единственнымъ элементомъ такого рѣшенія и распредѣленія и при какихъ условіяхъ?“ Избранный общимъ докладчикомъ по этому вопросу, Д. А. добивается въ секціи принятія резолюціи объ освобожденіи несовершеннолѣтнихъ до 16 лѣтъ отъ уголовной отвѣтственности, о преобладающемъ вниманіи, которое должно быть удѣляемо всей совокупности субъективныхъ признаковъ дѣятеля, о расширеніи усмотрѣнія судьи при выборѣ наказаній для несовершеннолѣтнихъ отъ 16 до 20 лѣтъ и т. д. Но въ общемъ собраніи этотъ вопросъ не могъ быть обсужденъ за недостаткомъ времени и былъ отложенъ до ближайшаго конгресса. Слѣдуетъ замѣтить, что тотъ же вопросъ о повышеніи возраста безотвѣтственности до 16 лѣтъ подымался Д. А. Дрилемъ еще въ 1883 г. на парижскомъ конгрессѣ французскаго Общества покровительства заброшеннымъ и преступнымъ дѣтямъ, но, несмотря на общее сочувствіе, не былъ также вотированъ.

На парижскій международный тюремный конгрессъ 1895 г. Д. А. ѣдетъ съ прежнимъ докладомъ объ отвѣтственности несовершеннолѣтнихъ и съ новымъ докладомъ о роли наградъ въ тюремной жизни. Въ первомъ докладѣ онъ изслѣдуетъ исторію вопроса и попрежнему отстаиваетъ возвышеніе возраста невмѣняемости до 16 лѣтъ, когда только начинаетъ происходить физическое и психическое формированіе человѣка. Въ своихъ 12 тезисахъ онъ намѣчаетъ многое, что затѣмъ было повторено другими. Такъ онъ требуетъ, чтобы „дѣла рѣшались спеціально судомъ, рѣшающимъ негласно, составленнымъ изъ представителей судебнаго вѣдомства,

опекунскихъ учрежденій и врачебнаго сословія". При подчиненіи несовершеннолѣтнихъ принудительному воспитанію слѣдуетъ различать упорно поддающіеся исправленію характеры и сбыкновенные, болѣе легко руководимые характеры, и соотвѣтственно съ этимъ создать два типа учрежденій. Для несовершеннолѣтнихъ, достигшихъ 16 лѣтъ, должно быть установлено спеціальное производство, имѣющее цѣлью выяснить, достигли ли они полнаго душевнаго развитія или нѣтъ (прототипъ производства о разумѣніи). Относительно болѣе взрослыхъ (18—21 г.) судьѣ должна быть предоставлена свобода усмотрѣнія; учиняемый ими рецидивъ не долженъ имѣть постояннаго и предустановленнаго значенія. Большинство этихъ постановленій Д. А. удалось впослѣдствіи воплотить въ русскомъ законѣ 2 іюня 1897 г. По второму вопросу о тюремныхъ наградахъ Д. А. дѣлаетъ въ конечномъ итогѣ слѣдующія предложенія: 1) лучшимъ средствомъ защиты общества отъ уже сформировавшихся преступниковъ является исправленіе ихъ, и этой цѣли должна всячески служить тюрьма; 2) для этого тюрьма должна стремиться поднять мужество заключенныхъ, развить въ нихъ увѣренность въ собственныхъ силахъ, разсѣять мрачныя идеи и угнетающія настроенія, нарушающія душевное равновѣсіе, и пробудить хорошія чувства и порывы, не прибѣгая къ наказаніямъ иначе, какъ въ крайнихъ случаяхъ; 3) кромѣ личныхъ наградъ и поощреній, весьма полезно въ тюрьмѣ для исправленія организовать общія развлеченія разъ въ недѣлю, позволить заключеннымъ свободно избирать себѣ занятіе и упражненія соотвѣтственно вкусу и склонностямъ; 4) поощренія и награды должны быть всегда разсчитаны на укрѣпленіе добрыхъ, а не дурныхъ и низкихъ, чувствъ; 5) выборъ ихъ долженъ быть предоставленъ такту или усмотрѣнію директора или административнаго совѣта подъ соотвѣтственнымъ надзоромъ; 6) при назначеніи наградъ слѣдуетъ остаться въ разумныхъ границахъ, не упуская изъ виду исправительныхъ задачъ тюрьмы.

На брюссельскомъ конгрессѣ 1900 г. Д. А. принимаетъ близкое участіе въ работахъ IV секціи относительно несовершеннолѣтнихъ и результатамъ этого конгресса посвящаетъ большую статью (Итоги международнаго тюремнаго конгресса въ Брюсселѣ, Ж. М. Ю. 1900, кн. 9). Но все же ему не удается и здѣсь провести своихъ идей.

Въ 1905 г. онъ участвуетъ на Будапештскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ, которому представляетъ докладъ о

нравственно-заброшенныхъ дѣтяхъ. На поставленный коммиссіей вопросъ: „Каковы, кромѣ воспитанія, наиболѣе дѣйствительныя мѣры для обезпеченія устойчивости морально заброшенныхъ дѣтей и для исправленія порочныхъ дѣтей, еще не учинившихъ наказуемаго дѣянія?“, онъ отвѣчаетъ съ большою рѣшительностью: „необходимо воздѣйствовать на причины заброшенности и развращенія въ самихъ семьяхъ и устранить неблагопріятныя условія жизни, созданныя развитіемъ въ XIX вѣкѣ. Другія мѣры явятся только палліативомъ“. Нужно спасти семью отъ обнищанія и вырожденія, нужно путемъ кооперації экономически обезпечить ее, и тогда рѣшится и данная проблема. На самомъ конгрессѣ мнѣ пришлось слышать Д. А. въ общемъ собраніи, когда онъ энергично возражалъ противъ устройства особыхъ наблюдательныхъ учрежденій для подростковъ, помѣщаемыхъ въ исправительно-воспитательные пріюты. Устройство ихъ, по его мнѣнію, только сдѣлаетъ содержаніе болѣе дорогимъ, но не обезпечить надлежащаго ознакомленія съ личностью подростка. Въ области этихъ же вопросовъ лежитъ и послѣдній докладъ, представленный Д. А. на Вашингтонскій тюремный конгрессъ 1910 г. Здѣсь на вопросъ о томъ, слѣдуетъ ли создать особыя учрежденія для ненормальныхъ дѣтей (отсталыхъ, слабоумныхъ), проявляющихъ опасныя склонности, онъ рѣшительно отвѣчаетъ въ отрицательномъ смыслѣ, указывая, что требованія, выставляемыя для такихъ учрежденій, въ сущности, должны быть осуществлены въ каждомъ исправительно-воспитательномъ заведеніи (усиленный врачебный надзоръ, выдѣленіе трудно-исправимыхъ). Съ выдѣленіемъ трудно-исправимыхъ въ особыя школы отпадаетъ сама потребность въ появленіи новой классификаціи. На Вашингтонскій конгрессъ Д. А. не пріѣхалъ, и его отсутствіе сразу было замѣчено его многочисленными друзьями,

Въ 1902 г. въ Петербургѣ происходилъ *Международный конгрессъ Союза Криминалистовъ*, и Д. А. принимаетъ въ немъ близкое участіе. Въ представленномъ имъ докладѣ „О значеніи субъективнаго момента въ преступленіи“ онъ защищаетъ субъективную точку зрѣнія. Объективный взглядъ въ уголовномъ правѣ онъ выводитъ изъ системы выкуповъ и мести. Въ исторіи наказанія онъ намѣчаетъ 4 періода: 1) родовая эпоха, когда все опредѣлялось злобнымъ чувствомъ мести и взаимною силою, 2) эпоха объединенія родовъ, когда появляется посредничество суда, и вырабатывается система денежныхъ выкуповъ; 3) эпоха образованія военнаго государства, вырабатывающая чрезвычайно повышенную

систему воздаянія, основаннаго на устрашеніи; 4) эпоха смягченія наказаній, начавшаяся съ конца XVIII столѣтія и продолжающаяся и понынѣ, когда успѣхи положительныхъ наукъ разрушаютъ идею воздаянія и выдвигаютъ цѣль исправленія; здѣсь должное вниманіе удѣляется и мѣрамъ предупрежденія. Не отрицая совершенно роли объективнаго момента, авторъ полагаетъ, что въ будущемъ значеніе субъективныхъ условій будетъ все расти, и центромъ уголовнаго права станетъ человѣческая личность во всмъ ея разнообразіи.

Мы останавливались только на международныхъ конгрессахъ, имѣющихъ отношеніе къ уголовному праву. Но не только въ нихъ принимаетъ участіе Д. А. Такъ въ 1900 г. онъ является активнымъ участникомъ парижскаго конгресса общественнаго призрѣнія и частной благотворительности (см. „Трудовая помощь“ 1900, ноябрь—декабрь); въ 1907 г. онъ принимаетъ участіе въ международномъ конгрессѣ по борьбѣ съ алкоголизмомъ въ Стокгольмѣ („Русскія Вѣдомости“ 25, 27 31 іюля и 4 авг. 1907 г.). Повсюду онъ выступаетъ въ защиту тѣхъ идей, служеніе которымъ было цѣлью его жизни—идей общественнаго оздоровленія и моральнаго совершествованія на почвѣ улучшенія культурныхъ условій жизни. И слава его, какъ высокаго гуманиста, перелетаетъ границы Россіи. Д. А. былъ тѣмъ звеномъ, которое соединяло Россію съ З. Европой въ борьбѣ противъ соціальныхъ недуговъ. Теперь это золотое звено распалось. Но онъ успѣлъ насадить и у насъ тѣ посѣвы общественной борьбы съ преступностью, алкоголизмомъ, проституціей, нищетой, которые не завянутъ. Онъ успѣлъ спаять въ конгрессы и въ болѣе постоянныя общественныя организаціи работниковъ на различныхъ общественныхъ поприщахъ и влить въ нашу общественность ту жизнетворную идею солидарности, яркой выразительницей которой была вся его личность.

П. Люблинскій.

Д. А. Дриль, какъ криминалистъ-антропологъ.

Рѣчь д-ра *А. Л. Щеглова* въ засѣданіи Общества экспериментальной педагогики 6-го декабря 1910 года.

М. Г. Я увѣренъ, что въ настоящую минуту, когда мы только что почтили общимъ вставаніемъ память Дмитрія Андреевича, его образъ, какъ живой, стоитъ у всѣхъ насъ передъ глазами, и чувствуется горечь отъ сознанія, что мы не можемъ говорить уже съ нимъ, но лишь о немъ. Я твердо вѣрю, что вспоминать и говорить о Д. А. мы будемъ много разъ и долго, ибо имя его крѣпко связано съ такими научными и общественными вопросами, которые еще долгіе годы будутъ останавливать на себѣ вниманіе общества и служить предметомъ страстныхъ и оживленныхъ споровъ между различными представителями научной мысли и общественно-практической дѣятельности.

Въ лицѣ Д. А. мы потеряли въ высшей степени хорошаго человѣка, котораго сколько-нибудь близко знавшіе его и принимавшіе участіе въ общей съ нимъ работѣ не только цѣнили и уважали, но и любили. И нельзя было не любить его, нельзя было не питать къ нему именно особаго любовнаго чувства, ибо отъ него всегда вѣяло на васъ привѣтливостью, сердечностью и теплымъ участіемъ, въ его манерахъ, рѣчахъ и спорахъ было такъ много умиротворяющаго спокойствія, благородства и искренности, а въ его работѣ такъ много безкорыстной преданности дѣлу.

Въ лицѣ Д. А. мы лишились также и большого научнаго и общественнаго работника. Оцѣнка научной и общественной его дѣятельности принадлежитъ исторіи; она освѣтитъ его личность и его работу полно и всесторонне. Я же, какъ бы ни любилъ я Д. А. и какъ бы ни былъ я обязанъ ему, какъ человѣку науки, въ настоящую минуту не смѣю и думать о томъ, чтобы дать вамъ сколько-нибудь полный очеркъ того, что сдѣлано Д. А. на почвѣ

научной и общественной дѣятельности. Мнѣ хотѣлось бы только дать вамъ лишь краткій набросокъ тѣхъ взглядовъ, кои на протяженіи многихъ лѣтъ развивалъ Д. А. въ области, особенно интересовавшей его, а именно—въ области человѣческой преступности.

Явленія человѣческой преступности начинаютъ въ наше время все больше и больше привлекать къ себѣ общественное вниманіе. Особенно сильно пугаетъ насъ рѣзкое усиленіе дѣтской преступности и при этомъ усиленіе не только количественно, не только ростъ цифры дѣтскихъ преступленій, но и качественное усиленіе ея, ибо самый характеръ и форма дѣтскихъ преступленій вс больш и больше поражаютъ наше воображеніе.

Изученіе этой области привело Д. А. къ выводу, что среди различныхъ мѣръ въ борьбѣ съ преступностью одной изъ наиболѣе могущественныхъ является воспитаніе. И этотъ выводъ Д. А. тѣмъ болѣе важенъ и интересенъ для педагоговъ, что онъ, какъ мы увидимъ ниже, принадлежитъ къ тому научному теченію въ уголовномъ правѣ, которое, какъ принято думать, отводитъ воспитанію очень незначительную роль въ борьбѣ съ преступностью.

Д. А. Дриль, юристъ по своему образованію, уже въ самомъ началѣ изученія юридическихъ наукъ сталъ задаваться вопросами относительно внутренней или субъективной стороны преступленія.

Въ то время уголовное право представляло изъ себя науку, цѣликомъ состоявшую изъ формальныхъ опредѣленій и разныхъ метафизическихъ теорій возстановленія нарушеннаго права и т. п.

Преступле́ніе разсматривалось, какъ отвлеченное понятіе, такъ же отвлеченно обсуждались вопросы объ умыслѣ, разумѣніи, вмѣненіи и другихъ юридическихъ понятіяхъ; различныя формы преступленій распредѣлялись по группамъ въ зависимости отъ возможныхъ и схематически предполагаемыхъ при нихъ признаковъ или обстоятельствъ. При всемъ этомъ не изучался лишь самъ объектъ вмѣненія и наказанія,—преступникъ.

Вы видите, что уголовное право находилось,—да въ сущности находится еще и теперь,—въ томъ же положеніи, въ какомъ находилось и находится еще и понынѣ педагогика. Въ обѣихъ этихъ наукахъ создавались стройныя схемы, господствовали апріорныя положенія, сами же объекты этихъ наукъ,—объектъ наказанія и объектъ воспитанія,—оставались и остаются внѣ изслѣдованія и изученія.

Обладая чуткой душой, Д. А. не могъ мириться съ тѣмъ, что можно наказывать и не думать о томъ, кого мы наказываемъ,

другими словами, не думать о томъ, что представляетъ изъ себя преступникъ? Онъ чувствовалъ, что признаваемое уголовнымъ правомъ невмѣненіе преступленія душевно-больнымъ не можетъ удовлетворить его, ибо онъ смутно сознавалъ, что преступленіе очень часто является страннымъ и непонятнымъ проявленіемъ во внѣ какихъ-то внутреннихъ физіологическихъ или психологическихъ процессовъ у человѣка, не являющагося ясно душевно-больнымъ. И вотъ Д. А. обращается къ изученію психіатріи, къ изученію всевозможныхъ душевныхъ аномалій, и здѣсь вскорѣ же его сознаніе, по его словамъ, поражается крайней трудностью и даже невозможностью установленія сколько-нибудь твердой и ясной границы между явленіями такъ называемой человѣческой порочности и развращенности, и явленіями тѣхъ тонкихъ душевныхъ разстройствъ, которыя стоятъ на границѣ душевнаго здоровья и болѣзни. Подъ вліяніемъ охватившихъ его сомнѣній, онъ съ жаромъ принялся за исканіе общихъ отличительныхъ признаковъ и критеріевъ, которые дали бы ему возможность найти отвѣты на интересовавшіе его вопросы. Но по мѣрѣ дальнѣйшаго ознакомленіе съ богатѣйшей психіатрической литературой и ея казуистикой, говоритъ Д. А. мои сомнѣнія и затрудненія не только не разъяснялись и не уменьшались, а, напротивъ, еще болѣе осложнялись и увеличивались. Особенно сильныя сомнѣнія возбуждали во мнѣ разнообразныя явленія тонкихъ душевныхъ аномалій, развивающихся на почвѣ органическаго вырожденія и неуравновѣшенности, а также и явленія наслѣдственности въ невропатическихъ семьяхъ, гдѣ часто въ длинномъ рядѣ поколѣній перемѣшиваются явленія душевныхъ разстройствъ, невропатій, разнообразныхъ порочностей, алкоголизмъ, самоубійства и преступленія.

Въ виду этого я чувствовалъ, говоритъ Д. А., необходимость поближе познакомиться съ органическими основами душевной жизни человѣка, съ тѣмъ матеріальнымъ субстратомъ, который лежитъ въ основѣ всѣхъ явленій душевной жизни вообще.

И вотъ Д. А. обращается къ изученію естественныхъ и медицинскихъ наукъ; онъ посѣщаетъ лекціи медицинскаго факультета, лабораторіи и клиники. Эти занятія укрѣпили въ немъ, по его заявленію, убѣжденіе въ самой тѣсной связи между органической и психической сторонами человѣка и въ томъ, что въ основѣ всѣхъ безъ исключенія явленій душевной жизни, какъ бы разнообразны, тонки и, казалось, маловажны не были они, всегда лежатъ строго опредѣленныя органическія явленія.

Но и этого психіатрическаго и медицинскаго изученія явленій, связанныхъ съ человѣческой преступностью, оказалось мало для Д. А., чтобы составить ясное представленіе о томъ, что такое преступленіе, въ чемъ его корни? Онъ отдается изученію живого преступника, въ томъ его видѣ, въ какомъ онъ существуетъ не въ понятіяхъ и схемахъ юристовъ, а въ живой дѣйствительности.

Онъ изучаетъ спеціальную литературу, посвященную изученію реальнаго преступника, какъ, напр., сочиненія Thomson'a, Nicolson'a, Despine и др., а самое главное—онъ отправляется въ продолжительную заграничную командировку и все время послѣдней цѣликомъ посвящаетъ помимо посѣщенія психіатрическихъ клиникъ и соотвѣтствующихъ медицинскихъ лекцій, напр., Kraft-Ebing'a въ Грацѣ, посѣщенію тюремъ, рабочихъ домовъ, нищенскихъ депо и колоній, исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ преступниковъ и дѣтей заброшенныхъ, причемъ лично бесѣдуетъ и знакомится съ ихъ населеніемъ.

„При посѣщеніи тюремъ и другихъ подобныхъ учрежденій, говоритъ Д. А., я обращалъ преимущественно вниманіе на особенности ихъ населенія и при этомъ всегда обращался къ богатому опыту лицъ, служившихъ въ нихъ и завѣдывавшихъ ими... Получившійся отвѣтъ въ большинствѣ случаевъ былъ такой, что тюремные сидѣльцы люди болѣе или менѣе странные, люди особые и не совсѣмъ похожіе на всѣхъ прочихъ людей, люди, имѣющіе нѣчто въ крови, люди, которымъ чего-то недостаетъ".

Все это, какъ предварительное изученіе вопроса о преступленіи, такъ и непосредственное знакомство съ преступниками, произвело то, что Д. А. сдѣлался рѣшительнымъ сторонникомъ новаго, такъ называемаго антропологическаго направленія въ уголовномъ правѣ, возвѣщеннаго работами Lombroso и его ближайшихъ сотрудниковъ, Энрико Ферри и Гарофало. Основная идея этой новой школы—идея всесторонняго изученія при помощи точныхъ, научныхъ методовъ дѣйствительнаго преступника, изученіе реальныхъ факторовъ его преступности и совершаемыхъ имъ дѣйствительныхъ преступленій—какъ нельзя болѣе отвѣчать запросамъ Д. А. Онъ сразу же объявилъ себя послѣдователемъ этой школы, несмотря на то, что онъ, какъ мы увидимъ далѣе, не признавалъ нѣкоторыхъ ея существенныхъ положеній. Онъ не только до послѣдняго времени продолжалъ считать себя ея приверженцемъ, но даже въ горячихъ выраженіяхъ говорилъ о своей симпатіи къ ней. „Я люблю,—говоритъ онъ,—уголовную антропологію всѣми силами моей души потому, что, изучая причины

человѣческой преступности, даже самыя отдаленныя, она съ фактомъ въ рукахъ ясно и наглядно показываетъ обществу, что принципъ общественной нравственности и идеалы не пустыя слова, а неизбѣжныя слѣдствія, или, правильнѣе, выводъ изъ самыхъ явленій общественной жизни.

Въ результатѣ такого разносторонняго изученія явленій человѣческой преступности Д. А. пришелъ къ выводу, что существуютъ органическія основы преступности, бо̀льшею частью унаслѣдованныя, а отчасти и благопріобрѣтенныя, что преступникъ вообще представляетъ собою, въ большей или меньшей мѣрѣ, порочный, дурно устроенный и дурно уравновѣшенный, но не больной организмъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова, и что преступность его представляетъ собою, по мѣткому выраженію д-ра Dejerine'a, „une façon d'être выраженія".

Такимъ образомъ въ опредѣленіи патогенеза преступности Д. А. останавливается на ученіи о вырожденіи, развитомъ Morel'емъ котораго онъ называетъ выдающимся и даже геніальнымъ психіаторомъ. Ученіе о вырожденіи въ достаточной степени выяснило Д. А., какъ онъ говоритъ, вопросъ о глубокихъ основахъ человѣческой преступности и о причинахъ преступленій, а съ другой стороны разрѣшили ему также и вопросъ о характерѣ мѣръ для борьбы съ преступленіемъ въ лицѣ уже народившагося преступника. Этими мѣрами, если не считать необходимаго тогда полнаго выдѣленія изъ общества, должно быть, по мнѣнію Д. А., уголовное исправленіе, понимая подъ этимъ терминомъ измѣненія тѣхъ психо-физическихъ особенностей личности, которыя, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ внѣшнихъ воздѣйствій, толкаютъ ее по пути преступленія.

Итакъ, въ какую же форму вылился въ концѣ концовъ вопросъ о человѣческой преступности въ сознаніи Д. А? Отвѣтъ на это мы находимъ въ слѣдующихъ его словахъ:

„Преступность разсматривается мною, говоритъ Д. А., какъ постепенно подъ вліяніемъ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условій вырабатывающаяся порочность психо-физической организаціи человѣка, предрасполагающая его къ преступленію, но предрасполагающая не безусловно, а въ зависимости отъ извѣстныхъ условій или предрасполагающихъ причинъ. Поэтому не всякій предрасположенный человѣкъ дѣлается дѣйствительнымъ преступникомъ. Для того, чтобы онъ сдѣлался таковымъ, кромѣ вліянія внутреннихъ факторовъ, необходимо еще присоединеніе и вліяніе факторовъ внѣшнихъ, безъ чего такой человѣкъ, будучи, можетъ

быть, очень дурнымъ и порочнымъ человѣкомъ, все-таки остается лишь предрасположеннымъ субъектомъ, не переступающимъ предѣла, закономъ дозволеннаго. При такой точкѣ зрѣнія вполнѣ правильно выясняется доля участія какъ индивидуальнаго, такъ и общественнаго элементовъ въ этіологіи человѣческой преступности".

Уже изъ этого отрывка мы ясно видимъ, что тотъ упрекъ, который такъ часто ставился защитникомъ органической основы въ явленіяхъ человѣческой преступности, а именно, что они, разсматривая преступленіе какъ порожденіе или слѣдствіе человѣческой организаціи, игнорируютъ, вліяніе на человѣка среды или внѣшнихъ условій, среди которыхъ протекаетъ его жизнь, въ особенности вліяніе общественныхъ факторовъ, совершенно не примѣнимъ къ Д. А. И не только онъ самъ свободенъ отъ этого упрека, но онъ рѣшительно стремится освободить отъ него вообще уголовную антропологію. Онъ во многихъ мѣстахъ своихъ сочиненій называетъ этотъ упрекъ простымъ недоразумѣніемъ. „Ни одинъ изслѣдователь антропологической школы, насколько мнѣ извѣстно, говоритъ Д. А., не отрицалъ никогда громаднаго значенія общественныхъ условій въ сферѣ преступленія. Всѣ сторонники антропологической школы признавали и признаютъ, что подъ вліяніемъ этихъ условій главнымъ образомъ и слагаются сами органическія аномаліи, которыя, разъ возникнувъ, становятся въ свою очередь ближайшими и непосредственными опредѣлителями характера дѣятельности вообще и преступной дѣятельности въ частности... Правда, на органическій элементъ, какъ наименѣе изслѣдованный до сихъ поръ въ области преступленія, антропологическая школа обратила преимущественное свое вниманіе, но это и составляетъ одну изъ наиболѣе крупныхъ ея заслугъ, тѣмъ болѣе, что обратила на него вниманіе въ связи съ порождающими его условіями физической и общественной среды".

Д. А., какъ преданный послѣдователь новой уголовной школы, стремится защитить ее отъ различныхъ нападокъ и оправдать ея существованіе ея достоинствами. Онъ допускаетъ, что въ отдѣльныхъ работахъ послѣдователей этой школы встрѣчаются чрезмѣрныя увлеченія, промахи, невѣрныя обобщенія и т. п. Но онъ считаетъ, что не отдѣльныя работы послѣдователей той или другой школы имѣютъ преимущественное значеніе, а ея руководящія основныя положенія, объединяющія общей идеей отдѣльныя ея части и придающія имъ то, что именно и называется школой или направленіемъ. Какія же положенія новой школы Д. А.

считаетъ наиболѣе существенными и наиболѣе цѣнными для поступательнаго развитія ученія о человѣческой преступности? Положенія эти формулированы имъ слѣдующимъ образомъ [1]).

1) Антропологическая школа уголовнаго права отказалась отъ принципа возмездія въ его различныхъ модификаціяхъ, какъ отъ основанія и первенствующей цѣли наказанія. Такимъ основаніемъ и цѣлью она признала исключиельно потребность огражденія общества отъ зла преступленія, путемъ ли исправленія преступника, или путемъ его изъятія изъ общества. Это воззрѣніе съ необходимостью измѣняетъ самый характеръ наказанія и придаетъ ему болѣе разумный смыслъ: о причиненіи страданій для страданія и для удовлетворенія чувства отмщенія при этомъ не можетъ быть и рѣчи.

2) Антропологическая школа изучаетъ не только преступленіе; нѣтъ, она прежде всего тщательно изучаетъ самого преступника въ его многочисленныхъ разновидностяхъ, въ производящихъ его причинахъ, а затѣмъ она уже изучаетъ и его дѣятельность, его преступленія, а также и наиболѣе раціональныя средства воздѣйствія на него въ видахъ огражденія общества отъ зла его дѣятельности. При этомъ она изучаетъ не какого-то отвлеченнаго, всегда себѣ равнаго преступника, а многоразличныя разновидности дѣйствительныхъ преступниковъ, какими ихъ знаетъ жизнь, какими ихъ знаютъ судъ и тюрьма. Сверхъ того, она изучаетъ этихъ дѣйствительныхъ преступниковъ не умозрительно, а при помощи всѣхъ возможныхъ точныхъ научныхъ методовъ, какими изучаются и всѣ другія естественныя явленія.

3) Въ преступленіи антропологическая школа видитъ результатъ взаимодѣйствія особенностей сложившейся психофизической организаціи или натуры преступника, лежащей, какъ и у всѣхъ прочихъ людей, въ основѣ его характера, и особенностей внѣшнихъ воздѣйствій, какими въ данномъ случаѣ являются воздѣйствія окружающей его естественной и общественной среды.

4) Исходя изъ точныхъ данныхъ изученія, антропологическая школа разсматриваетъ преступника, какъ въ большей или меньшей мѣрѣ несчастную, порочную, неуравновѣшенную, оскудѣлую, недостаточную и неприспособленную организацію, которая, вслѣдствіе этой недостаточности и неприспособленности, и не можетъ, при данныхъ неблагопріятныхъ условіяхъ, бороться за свое существованіе въ установленныхъ легальныхъ формахъ.

---

[1]) Психофизическіе типы въ ихъ соотношеніи съ преступностью и ея разновидностями стр. VIII.

5) Причины преступленій антропологическая школа дѣлитъ: 1) на ближайшія или непосредственныя, кроющіяся въ порочностяхъ психофизической организаціи дѣятеля преступленія; 2) на болѣе отдаленныя, кроющіяся въ неблагопріятныхъ внѣшнихъ условіяхъ, подъ вліяніемъ которыхъ вырабатываются особенности организаціи, какъ болѣе или менѣе устойчивые факторы преступленій и 3) на причины предрасполагающія, подъ вліяніемъ которыхъ уже сложившіяся дурноуравновѣшенныя организаціи наталкиваются на преступленія.

6) При такой широкой и истинно-научной постановкѣ вопроса о человѣческой преступности, антропологическая школа стремится изучать дѣйствительныхъ преступниковъ и совершенныя ими преступленія, какъ естественно-общественныя явленія во всей совокупности ихъ разнообразныхъ факторовъ и въ ихъ генезисѣ, т. е. въ ихъ отдаленныхъ, даже наслѣдственно передаваемыхъ зародышахъ, и въ ихъ дальнѣйшемъ послѣдовательномъ ростѣ и развитіи.

Этимъ она сливаетъ вопросъ о явленіяхъ человѣческой преступности съ общимъ соціальнымъ вопросомъ и разсматриваетъ первыя, какъ необходимый результатъ взаимодѣйствія соціальныхъ и индивидуальныхъ факторовъ, а потому она и настаиваетъ на необходимости широкихъ мѣръ предупрежденія для возможности вполнѣ успѣшной борьбы съ преступленіемъ.

7) Исходя изъ всѣхъ перечисленныхъ положеній, антропологическая школа съ логической послѣдовательностью отрицаетъ разумность напередъ количественно и качественно опредѣленныхъ мѣръ репрессіи. Она утверждаетъ, напротивъ, что послѣднія должны опредѣляться въ зависимости отъ индивидуальныхъ особенностей каждаго случая и въ зависимости отъ тщательнаго ихъ изученія. Мѣры репрессіи, по отношенію къ каждому данному осужденному преступнику, должны длиться или прекращаться въ полной зависимости отъ продолжающагося существованія или отъ прекращенія въ нихъ надобности.

Эти положенія повторяются Д. А. почти цѣликомъ въ различныхъ его работахъ, и болѣе раннихъ, и болѣе позднихъ, съ ними онъ выступалъ на одномъ изъ уголвоно-антропологическихъ конгрессовъ. Очевидно, въ нихъ вылилась и закрѣпилась въ его сознаніи вся квинтъ-эссенція ученія новой школы уголовнаго права.

Но гдѣ же въ вышеизложенной формулировкѣ ученія антропологической школы то, что не только въ широкихъ обществен-

ныхъ кругахъ, но даже и среди юристовъ и врачей считается основнымъ въ ученіи Lombroso и его послѣдователей? Гдѣ же столь нашумѣвшее ученіе объ анатомическомъ типѣ преступника, ученіе о прирожденномъ преступникѣ? Гдѣ созданныя Lombroso теоріи объ атавизмѣ преступленія, о пробужденіи въ современныхъ намъ людяхъ дикихъ стремленій, свойственныхъ отдаленнымъ нашимъ предкамъ, теорія объ эпилептоидномъ состояніи преступниковъ, о ихъ нравственномъ помѣшательствѣ? Имя Lombroso, какъ основателя уголовно-антропологической школы, такъ тѣсно связано со всѣми этими понятіями, что представляется довольно страннымъ для такого послѣдователя этой школы, какимъ считаетъ себя Д. А., не считаться съ ними. А между тѣмъ Д. А., дѣйствительно не считается съ ними. Онъ понималъ, что эта часть ученія Lombroso есть лишь попытка дальнѣйшаго раскрытія, такъ сказать, дальнѣйшей детализаціи основной и главной идеи новой школы, идеи объ органической основѣ преступленія, стремленіе изобразить послѣднюю въ болѣе наглядной и конкретной формѣ. Въ этомъ отношеніи Д. А. проявилъ ту независимость своихъ взглядовъ, которая рѣзко отличала его отъ многихъ другихъ послѣдователей новой школы. Думается, впрочемъ, что и для самого Lombroso именно эта часть его ученія и является той частью, относительно которой онъ самъ говоритъ слѣдующія слова: „Можетъ быть, вскорѣ отъ моего труда не останется и камня на камнѣ, но идея, которая породила его... эта идея никогда не погибнетъ“. И въ сочиненіяхъ Д. А. мы находимъ прямыя заявленія въ томъ же духѣ. „Вовсе не вопросъ о преступномъ типѣ составляетъ дѣйствительную сущность ученія Lombroso. Эта сущность—признаніе неизмѣримой важности органическаго фактора въ вопросѣ о преступленіи и указаніе на безусловную необходимость примѣненія естественно-научныхъ методовъ изслѣдованія къ изученію преступника“. И эта мысль раздѣляется вмѣстѣ съ Д. А. и признается правильной и многими другими послѣдователями антропологической школы, напр., Houzé и Wornats, явившимся на Брюссельскомъ уголовно-антропологическомъ конгрессѣ въ 1892 году докладчиками по вопросу объ анатомическомъ типѣ преступника, и даже такими критиками и противниками идеи преступнаго типа, какъ, напр., Manouvrier.

То же самое слѣдуетъ сказать и относительно идеи о прирожденномъ преступникѣ. Эта идея явилась, какъ результатъ допущенія, что психофизическія особенности организма, опредѣляющія наклонность или предрасположеніе человѣка къ преступ-

нымъ актамъ, выражены у нѣкоторыхъ преступниковъ особенно сильно и находятся какъ бы въ состояніи особй концентраціи, неумолимо подчиняя себѣ всѣ другія склонности и стремленія человѣка. Здѣсь, слѣдовательно, особенно подчеркивается и доводится до ея крайняго предѣла идея о значеніи органическаго фактора въ преступленіи и вообще въ поступкахъ человѣка. Представленіе о прирожденномъ преступникѣ связано съ предоставленіемъ о полномъ отсутствіи въ человѣкѣ альтруистическихъ и нравственныхъ чувствованій, слѣдовательно, о неотвратимой тенденціи человѣка къ совершенію преступленій и полной его неисправимости. Доказать научно, что такія натуры встрѣчаются въ дѣйствительности, врядъ ли возможно, ибо кто можетъ сказать, что въ данномъ человѣкѣ, хотя бы онъ былъ отъявленнымъ злодѣемъ, никогда не проснется раскаяніе въ совершенныхъ имъ злодѣяніяхъ и угрызенія совѣсти? И Д. А. рѣшительно заявляетъ, что онъ не вѣритъ въ уголовную неисправимость преступника.

Такимъ образомъ Д. А., признавая огромное значеніе въ явленіи человѣческой преступности за органическимъ факторомъ, преклоняясь предъ ученіемъ Morel'я о физическомъ, умственномъ и нравственномъ вырожденіи, не расширяетъ все же значенія органическаго фактора до такой степени, чтобы признать, что присущія преступнику психофизическія особенности выливаются въ опредѣленную форму его анатомическаго строенія. Онъ вмѣстѣ съ многими другими полагаетъ, что хотя форма и функція организованной матеріи тѣсно связаны другъ съ другомъ, строеніе человѣческаго организма является выраженіемъ всей совокупности его функціональности, оно соотвѣтствуетъ равнодѣйствующей всѣхъ его функцій, всѣхъ предрасположеній и стремленій, поэтому и невозможно допустить, что однѣ лишь преступныя наклонности или предрасположеніе къ нимъ и связанныя съ ними функціональныя измѣненія органовъ обладаютъ такой значительной силой среди другихъ стремленій и другихъ функцій, что опредѣляетъ даже внѣшній видъ и внѣшнее строеніе человѣческаго тѣла. Кромѣ того, одни уже преступныя наклонности и вызывающія ихъ психо-физіологическіе процессы, не говоря уже о гораздо болѣе широкой остальной области психо-физіологическихъ явленій, представляются настолько разнообразными, что едва ли хватитъ внѣшнихъ формъ для отраженія всѣхъ этихъ оттѣнковъ внутреннихъ переживаній.

Точно также Д. А., признавая огромное предрасполагающее значеніе въ человѣческой преступности за органическимъ факто-

ромъ, не признаетъ за послѣднимъ безусловно-предопредѣляющаго характера, неизбѣжно и неотвратимо приводящаго человѣка къ преступленію. Какъ бы ни былъ могучъ этотъ факторъ, Д. А. признаетъ подвижность и измѣнчивость его, его подчиняемость всевозможнымъ другимъ факторамъ какъ внѣшнимъ, такъ и внутреннимъ, а, слѣдовательно, признаетъ возможность устраненія или ослабленія этого фактора путемъ воспитанія или уголовнаго исправленія, равно какъ и путемъ установленія болѣе нормальныхъ общественныхъ отношеній.

Въ вопросѣ, въ чемъ и какъ проявляетъ себя въ преступленіи органическій факторъ, Д. А. держался того взгляда, что органическое вырожденіе влечетъ за собой измѣненія въ дѣятельности нашихъ внутреннихъ органовъ, въ особенности же измѣненія въ болѣе тонкихъ аппаратахъ нервной системы.

Эти измѣненія въ функціяхъ внутреннихъ органовъ имѣютъ огромное значеніе для всей психической дѣятельности человѣка; они опредѣляютъ то, что составляетъ личность человѣка. На изображеніе этихъ особенностей душевнаго склада преступниковъ и вырождающихся вообще и связи этихъ особенностей съ нарушеніемъ функцій различныхъ органовъ тѣла Д. А. было потрачено не мало труда. Его второй выпускъ „Малолѣтнихъ преступниковъ“ представляетъ изъ себя, какъ значится въ заголовкѣ книги, общую часть психологіи преступности, а слѣдующій выпускъ „Психо-физическіе типы“—частную психологію преступности; въ этомъ послѣднемъ выпускѣ изображаются особенности душевной дѣятельности нервныхъ лицъ, вообще истериковъ, эпилептиковъ и оскудѣлыхъ разныхъ степеней.

Въ изображеніи и объясненіи этихъ особенностей Д. А. является сторонникомъ того направленія въ психологіи, которое главную роль и первенствующее значеніе во всей нашей душевной жизни признаетъ за нашими чувствованіями. По мнѣнію сторонниковъ этого направленія въ чувствительности или въ впечатлительности, въ способѣ или формѣ реакціи, съ какой организмъ отзывается на всевозможныя воздѣйствія на него какъ внѣшнія, такъ и внутреннія, слѣдуетъ искать объясненій и отвѣта на тѣ вопросы, которые на каждомъ шагу порождаются человѣческими дѣйствіями. Къ этому взгляду всецѣло присоединяется и Д. А. „Чувствованія, — говоритъ онъ, — представляютъ собою какъ бы зерна, изъ которыхъ развивается нравственно-умственная жизнь человѣческой личности со всѣми ея особенностями. Вмѣстѣ съ измѣненіемъ комплекса чувствованій всегда рѣзко измѣняется и

весь характеръ личности, а потому и можно сказать, что одну изъ основныхъ особенностей послѣдней составляютъ особенности комплекса ея чувствованій, опредѣляющаго характеръ ея отношеній ко всему ея окружающему въ каждое данное время".

Изученіемъ этого фактора, изученіемъ тонацій самочувствія въ зависимости отъ спеціальныхъ раздраженій, идущихъ отъ внутреннихъ органовъ, изученіемъ вообще соотношеній различныхъ органическихъ состояній и явленій психической жизни, особенно интересовался Д. А. „Особыя спеціальныя чувствованія отъ различныхъ внутреннихъ органовъ, входя у различныхъ индивидуумовъ въ различные періоды и моменты ихъ жизни въ различной мѣрѣ въ составъ общаго сложнаго внутренняго тона, образующаго изъ всѣхъ чувствованій даннаго времени, повидимому, оказываютъ особенно важное вліяніе на характеръ инстинктивныхъ влеченій".

Эти же органическія чувствованія, опредѣляя настроеніе или самочувствіе человѣка, не только порождаютъ соотвѣтствующія влеченія и позывы, но они подсказываютъ также и вызываютъ опредѣленныя представленія и мысли, которыя, какъ бы подъ давленіемъ тѣхъ же чувственныхъ тонацій, вступаютъ въ опредѣленныя комбинаціи, слагаются въ тѣ или другіе планы и, наконецъ, переходятъ въ дѣйствіе. Такимъ образомъ эти господствующія чувствованія даютъ тонъ и направленіе нашимъ мыслямъ и опредѣляютъ наши взгляды и отношенія къ различнымъ явленіямъ окружающей насъ жизни. Такъ мало-по-малу формируется нравственный складъ или нравственное сознаніе человѣка.

Итакъ, слѣдовательно, особенности инстинктивной природы лежатъ, по мнѣнію Д. А., въ основѣ характера человѣка и опредѣляютъ всѣ его отличительныя черты. „Въ тотъ періодъ, когда у ребенка, говоритъ, Д. А., почти не наблюдается проблесковъ интеллектуальной жизни, особенности инстинктивной природы, напротивъ, уже довольно ясно намѣчаются въ немъ, и съ этой стороны каждый ребенокъ представляетъ свой опредѣленный, особый обликъ. Одинъ подвиженъ, веселъ и живъ, другой, напротивъ, медлителенъ и вялъ, одинъ ласковъ, даже какъ бы благожелателенъ, тогда какъ другой сравнительно сухъ и черствъ; одинъ золъ почти, другой мягокъ и добръ и пр.".

Итакъ, въ этотъ уже начальный періодъ жизни у ребенка уже ясно намѣчаются нѣкоторые задатки основныхъ особенностей будущей нравственной личности, которыя, такимъ образомъ, и по времени предшествуютъ особенностямъ личности интеллектуальной и образуютъ собою основу характера человѣка, его чувствен-

ное существо, столь различное у различныхъ людей. Только уже впослѣдствіи на этой первичной основѣ, на этомъ фонѣ, мало-помалу начинаютъ выступать и зародыши интеллектуальныхъ явленій, которыя, возникая на опредѣленной и ранѣе ихъ данной почвѣ, съ необходимостью носятъ на себѣ печать ея особенностей и въ значительной степени ею опредѣляются. Эту зависимость интеллектуальной природы отъ природы инстиктивной мы можемъ и дѣйствительно наблюдаемъ на каждомъ шагу.

Теперь становится понятна возможность изученія этой основы психическаго существа человѣка вообще и для уясненія особенностей его преступности—въ частности, такъ какъ въ этой послѣдней сторона чувства, сторона обычнаго настроенія, однимъ словомъ, инстинктивная сторона играетъ рѣшающую роль.

Мы умышленно остановились нѣсколько дольше на этихъ психологическихъ воззрѣніяхъ Д. А., ибо они выясняютъ не только его взгляды на природу и происхожденіе преступныхъ влеченій и актовъ, но и опредѣляютъ его взгляды какъ на исправленіе преступниковъ, такъ и на воспитаніе вообще. Казалось бы, приведенные взгляды, признавая такую роль за инстинктивной природой человѣка въ формировкѣ характера, отводятъ слишкомъ незначительную роль воспитанію и человѣческой волѣ вообще. Но это не такъ, и, зная, что подобныя мысли могутъ явиться у многихъ читателей, Д. А. спѣшитъ опровергнуть ее. „Было бы величайшимъ заблужденіемъ, говоритъ онъ, представлять себѣ человѣка игрушкой его чувственныхъ тонацій каждаго даннаго времени. Вліяніе чувственныхъ тонацій не безгранично. Отъ человѣка, конечно, въ значительной мѣрѣ зависитъ ставить себя, подъ вліяніемъ предвѣдѣнія будущаго, въ тѣ или иныя положенія и тѣмъ самымъ подвергать себя тѣмъ или инымъ воздѣйствіямъ, которыя съ большею или меньшею силой будутъ вліять на тѣ или иные его органы и будутъ вызывать въ нихъ тѣ или иныя, болѣе или менѣе, важныя измѣненія“... Словомъ, говоря о значеніи органическаго фактора и вообще о значеніи наслѣдственности, Д. А. говоритъ, что это значеніе слѣдуетъ понимать лишь какъ предрасположеніе, но это предрасположеніе можетъ быть устраняемо комбинированными внѣшними вліяніями. А отъ этого, говоритъ онъ, еще далеко до какого-то предопредѣленія, какъ допускаютъ нѣкоторые, выступая даже съ проектами соотвѣтствующихъ законовъ.

Такимъ образомъ, Д. А. ясно говоритъ, что человѣкъ можетъ бороться съ нежелательными ему или вредными чувственными тонаціями, вызывая въ себѣ соотвѣтствующей обстановкой другія

чувственныя тонаціи, идущія въ разрѣзъ съ первыми и какъ бы парализующія ихъ силу. Тѣмъ болѣе возможно бороться съ тѣмъ или другимъ направленіемъ чувствованій въ другомъ человѣкѣ, создавая ему соотвѣтственныя условія его жизни. Изъ этого вытекаетъ ясно, до какой степени представляетъ Д. А. важными вліянія условій окружающей обстановки, а также и правильную гигіену какъ всего организма вообще, такъ и всѣхъ его отдѣльныхъ органовъ въ частности. „Повидимому, съ полнымъ правомъ можно утверждать, говоритъ Д. А., что только подъ условіемъ правильнаго, достаточно энергичнаго и гармоничнаго функціонированія всѣхъ органовъ, въ свою очередь порождающаго правильныя, достаточно полныя и гармоничныя чувственныя тонаціи, сливающіяся въ одинъ полный, пріятный и красивый общій тонъ или общее чувство собственнаго существованія, возможна правильность и гармоничность во взаимныхъ отношеніяхъ и достаточная приспособленность въ реакціяхъ на воздѣйствія изъ окружающей среды. Поэтому становится вполнѣ понятнымъ глубокій смыслъ афоризма—mens sana in corpore sano. Трудно даже преувеличить неизмѣримо важное значеніе распространенія и укрѣпленія въ умахъ общественныхъ массъ дѣятельнаго, если такъ можно выразиться, пониманія этой истины. Пока она не привьется къ обществу, пока она не сдѣлается въ немъ вполнѣ осмысленнымъ и дѣятельнымъ понятіемъ, регулирующимъ отношенія повседневной жизни, до тѣхъ поръ нельзя и надѣяться на оскудѣніе источниковъ преступности и на уничтоженіе начальныхъ зачатковъ послѣдней. Дурными условіями окружающей обстановки, среди которыхъ рождаются, развиваются и живутъ многочисленныя массы населенія, и дурною общею и частною гигіеной незамѣтно, медленно и постепенно порождается ослабленіе, различныя уклоненія и неблагопріятныя особенности различныхъ органовъ, въ свою очередь влекущія за собою соотвѣтствующія измѣненія въ ихъ частныхъ тонаціяхъ или чувствованіяхъ и чрезъ то и въ общемъ чувствѣ собственнаго существованія, а слѣдовательно, и въ окраскѣ личности. Такими неблагопріятными измѣненіями обыкновенно и начинается отдаленная исторія постепеннаго развитія преступности съ ея разнообразными оттѣнками, обусловливающими склонность къ опредѣленнымъ видамъ преступной дѣятельности. Крайне поучительный въ этомъ отношеніи примѣръ намъ представляютъ привычные пьяницы, у которыхъ постоянныя отравленія алкоголемъ обусловливаютъ сравнительно скоротечный, а потому и болѣе удобно наблюдаемый процессъ вырожденія“.

Все вышеизложенное достаточно ясно, думается мнѣ, обрисовываетъ взгляды Д. А. на явленія человѣческой преступности.

Мы видимъ, что эти взгляды Д. А. проникнуты твердой вѣрой въ возможность устраненія зла преступленія какъ реформированіемъ нашихъ общественныхъ отношеній, реформированіемъ различныхъ государственныхъ учрежденій, такъ и путемъ исправленія и воспитанія лицъ, впавшихъ въ преступленіе. Изученіе человѣческой порочности, многолѣтнее близкое знакомство съ носителями всевозможныхъ проявленій психо-физическаго вырожденія, физическихъ и моральныхъ отклоненій и уродливостей не сдѣлало Д. А. приверженцемъ взгляда, что преступленіе, какъ коренящееся въ особенностяхъ и свойствахъ нашей организаціи, является зломъ неотвратимымъ; наоборотъ, это изученіе патогенеза преступленія, изученіе его внутреннихъ основъ указало ему, что можно устранить зло, укрѣпить въ человѣкѣ тенденцію къ нормальной жизни и нормальнымъ человѣческимъ отношеніямъ тѣмъ же самымъ путемъ, какимъ создаются въ человѣкѣ и тенденціи къ совершенію безнравственныхъ и преступныхъ дѣйствій. Путь этотъ—путь психо-физіологическаго воспитанія, путь воспитанія, урегулированія и приведенія въ стройную гармонію тѣхъ чувствованій, которыя, какъ мы видѣли, лежатъ въ основѣ всей психической личности человѣка и которыя при ненадлежащемъ ихъ функціонированіи и направленіи порождаютъ всевозможныя аномаліи въ стремленіяхъ и характерѣ человѣка. Д. А. въ разныхъ мѣстахъ своихъ сочиненій указывалъ на то, что въ нашихъ семьяхъ—да и въ школѣ также,—обращается преимущественное вниманіе на развитіе умственныхъ силъ и способностей. Чрезмѣрное увлеченіе умственными способностями онъ называетъ крайне вреднымъ увлеченіемъ. Оно отодвигаетъ на задній планъ и заслоняетъ значеніе инстинктивныхъ особенностей природы, которыя, какъ онъ говоритъ, служатъ однимъ изъ главныхъ основаній для сохраненія и дальнѣйшаго развитія породы. Подъ вліяніемъ увлеченія этими способностями и стремленія къ наибольшему развитію чисто логическихъ способностей стало мало справляться о томъ, каковъ фундаментъ человѣка, каковы его постоянныя чувствованія, какова его личность. Д. А., изучивъ значеніе чувствованій въ образованіи всевозможныхъ порочностей характера, указываетъ на культуру этихъ чувствованій, этихъ инстинктивныхъ элементовъ ребенка, какъ на главное средство хорошаго воспитанія и перевоспитанія человѣка. Культивированіемъ этихъ чувствованій надо стремиться достигнуть того, чтобы создавалось хо-

рошее, пріятное самочувствіе, чтобы чувство силы и здоровья являлось выраженіемъ правильной и гармонической дѣятельности всѣхъ внутреннихъ системъ нашего тѣла. Этимъ путемъ мы должны добиться того, чтобы уже съ юныхъ лѣтъ въ человѣкѣ звучали струны состраданія и благожелательности, чтобы альтруистическія и нравственныя чувствованія путемъ подражанія и унаслѣдованія добрыхъ привычекъ закрѣплялись и становились такими же инстинктивными влеченіями, какъ нынѣ, благодаря расширяющемуся вліянію вырожденія, стали инстинктивными чувствованія эгоизма, связанныя съ инстинктивными влеченіями къ удовлетворенію своихъ грубо-животныхъ потребностей и къ совершенію преступныхъ или безнравственныхъ актовъ.

Изложенными взглядами Д. А. опредѣлялось и направленіе его общественно-практической дѣятельности. Я не буду здѣсь касаться послѣдней—для этого у меня мало силъ,—но я лишь въ нѣсколькихъ словахъ упомяну о ней, такъ какъ она была направлена къ рѣшенію того же вопроса, который все время стоялъ передъ Д. А., а именно къ рѣшенію вопроса о борьбѣ съ преступностью и вырожденіемъ.

Прежде всего, Д. А. вложилъ массу труда въ дѣло организаціи и усовершенствованія нашихъ исправительно-воспитательныхъ заведеній. Состоя юрисконсультомъ при Главномъ Тюремномъ Управленіи, онъ, можно сказать, держалъ въ своихъ рукахъ отдѣлъ о малолѣтнихъ преступникахъ, былъ душой съѣздовъ представителей русскихъ исправительныхъ заведеній для малолѣтнихъ, самъ многократно объѣзжалъ и осматривалъ исправительно-воспитательныя заведенія. Признавая, что главной причиной дѣтской преступности является заброшенность въ воспитаніи, усиленная унаслѣдованной слабостью психо-физической организаціи наряду съ бѣдностью и нуждой, Д. А. защищалъ то положеніе,—между прочимъ и на петербургскомъ международномъ тюремномъ конгрессѣ въ 1890 году,—что слѣдуетъ повысить возрастъ вмѣненія для дѣтей съ 14-ти до 16-ти лѣтъ. До этого возраста всѣ совершающія преступныя дѣянія дѣти должны быть отдаваемы въ воспитательныя заведенія, гдѣ они при надлежащемъ питаніи, хорошемъ рабочемъ режимѣ и подъ нравственно-гуманнымъ вліяніемъ со стороны воспитателей могутъ, несомнѣнно, укрѣпить свое тѣло и душу и стать полезными и честными работниками. Вѣрный своимъ взглядамъ, онъ настаивалъ на необходимости обстоятельнаго медико-психологическаго обслѣдованія каждаго воспитанника, съ каковою цѣлью, по его ини-

ціативѣ, нѣсколькими учеными обществами выработаны были для руководства воспитателей особые листки.

Далѣе, придавая огромное значеніе въ развитіи преступности условіямъ, въ которыхъ протекаетъ жизнь большей части населенія, Д. А. настоятельно указывалъ на необходимость энергичной борьбы съ все болѣе и болѣе охватывающимъ населеніе и ослабляющимъ душу и тѣло человѣка алкоголизмомъ, съ возрастающей бѣдностью населенія и заброшенностью дѣтей. Благодаря его энергіи и трудамъ, былъ организованъ и состоялся 1-й Всероссійскій съѣздъ по борьбѣ съ алкоголизмомъ. Онъ усиленно работалъ надъ созданіемъ народнаго университета, гдѣ занятое дневной утомительной работой рабочее населеніе могло бы находить отдыхъ и духовное удовлетвореніе въ изученіи тѣхъ или другихъ отдѣловъ научнаго знанія, и такимъ путемъ могло бы избавить себя отъ развращающаго душу и тѣло вліянія клубовъ, кабаковъ и трактировъ. По его иниціативѣ и при его содѣйствіи устроенъ въ Гавани большой домъ дешевыхъ квартиръ для того же рабочаго населенія. Наконецъ, за послѣднее время Д. А. получилъ возможность въ качествѣ проф. Политехническаго института и Педагогической Академіи развивать свои взгляды на природу человѣческой преступности и мѣры борьбы съ послѣдней, равно какъ и свои взгляды передъ широкой аудиторіей.

М. г.! Изложенные взгляды Д. А. на одно изъ самыхъ мрачныхъ явленій нашей жизни, а также и вскользь сдѣланное мною указаніе на общественно-практическую дѣятельность его ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что Д. А. былъ большой гуманистъ. Чувство любви, чувство симпатіи даже къ падшимъ и порочнымъ натурамъ, стремленіе отыскать пути къ ихъ исправленію, преобладали въ немъ и заслоняли объективный анализъ явленія. Стремленіе изучить явленіе всегда связывалось въ его сознаніи съ мыслью: какъ помочь человѣку? Какъ вернуть его и поставить на путь нормальной, здоровой и трудовой жизни? Онъ чувствовалъ, что къ какимъ бы научнымъ выводамъ мы ни приходили, эти оскудѣлыя натуры являются обиженными судьбой, обиженными въ громадномъ большинствѣ случаевъ не за свои грѣхи, а за грѣхи другихъ. И Д. А. проявлялъ такую деликатность и чуткость къ этимъ обиженнымъ, что старался всѣми мѣрами скрыть отъ нихъ, что можно смотрѣть на нихъ, какъ на „отверженныхъ“ или порочныхъ, какъ на особый объектъ особаго научно-экспериментальнаго изслѣдованія. Въ этомъ отношеніи мнѣ припоминаются двѣ бесѣды съ нимъ, которыя изобличаютъ въ немъ именно такое на-

строеніе. Около 10 лѣтъ тому назадъ мнѣ пришлось быть въ Главномъ Тюремномъ Управленіи, куда я обратился за разрѣшеніемъ мнѣ доступа въ отдѣленіе Выборгской тюрьмы для малолѣтнихъ. Послѣ нѣкотораго разговора со мной, инспекторъ петербургскихъ тюремъ И. П. Сементовскій, любезно разрѣшившій мнѣ доступъ въ тюрьму, сказалъ мнѣ, что онъ познакомитъ меня сейчасъ съ очень полезнымъ, по его мнѣнію, для меня человѣкомъ, причемъ тутъ же открываетъ дверь и вводитъ меня въ сосѣднюю комнату со словами: „вотъ, Д. А., докторъ интересуется преступниками и хочетъ заняться ихъ изслѣдованіемъ“. Назвалъ ли И. П. фамилію Д. А., но такъ, что я не разобралъ, или совсѣмъ не назвалъ, думая, что мы познакомимся сами, не знаю. Д. А. усадилъ меня на диванъ, сѣлъ рядомъ со мной и спросилъ, чѣмъ я думаю заняться. Я отвѣтилъ, что намѣренъ заняться изученіемъ психологіи малолѣтнихъ преступниковъ. „Только, пожалуйста, не называйте ихъ преступниками! Какіе же это преступники?!“ Я поспѣшилъ отвѣтить, что вполнѣ согласенъ съ нимъ и употребляю это слово въ чисто-формальномъ смыслѣ, а также потому, что терминъ „малолѣтніе преступники“ уже введенъ въ литературу извѣстнымъ сочиненіемъ Дриля „Малолѣтніе преступники“. „Да, это правда, но все же лучше не употреблять этого слова“, отвѣтилъ мнѣ Д. А.

Лѣтъ 5 тому назадъ мнѣ опять пришлось тамъ же бесѣдовать съ Д. А. по поводу предполагавшагося экспериментально-психологическаго изслѣдованія дѣвочекъ-преступницъ и проститутокъ въ одномъ изъ пріютовъ. Предполагалось, что это изслѣдованіе будетъ производиться мною вмѣстѣ съ группой слушательницъ первыхъ курсовъ для учителей, организованныхъ въ 1904—1905 году при Соляномъ Городкѣ. Выслушавъ меня, Д. А. сказалъ: „А знаете, я не могу сочувствовать такимъ изслѣдованіямъ! Что будетъ чувствовать каждая изъ этихъ дѣвочекъ?! Вѣдь она все время будетъ думать, что вы смотрите на нее, какъ на что-то особенное, и это не можетъ не причинить ей страданія“.

Эти два разговора, по моему мнѣнію, какъ нельзя лучше характеризуютъ доброе, любящее сердце Д. А. Какъ ни любилъ онъ объективное знаніе, какъ ни цѣнилъ онъ антропологическую школу за ея научно-объективный методъ изученія преступника, но онъ чувствовалъ, что рядомъ съ этимъ изученіемъ и даже впереди его должно стоять сердечное и участливое отношеніе къ этимъ несчастнымъ людямъ, что свѣтъ научнаго знанія не можетъ замѣнить возрождающей и всеисцѣляющей силы любви.

А. Щегловъ.

Государств. публичная
историческая
библіотека РСФСР

10-

Dz-60